

Элиза и ее монстры

Автор:

Франческа Заппиа

Элиза и ее монстры

Франческа Заппиа

18-летняя Элиза Мерк – создатель популярного комикса «Море чудовищ», но никто не знает ее настоящего имени. Днем она ходит в школу, а по ночам выпускает на свободу свое альтер эго – ЛедиСозвездие. В онлайн ее ждут с нетерпением, в то время как в реальном мире все куда прозаичней.

Но жизнь меняется, когда в ее класс приходит новичок – Уоллес Уорлэнд. Парень большой фанат «Моря чудовищ», что и помогает им подружиться. И у Элизы появляются сомнения: может, стоит рискнуть и раскрыть свою личность, а там – будь что будет?

Франческа Заппиа

Элиза и ее монстры

Francesca Zappia

Eliza and Her Monsters

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2017 by Francesca Zappia

© Ольга Солнцева, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Пролог

Элиза Мерк – так могут звать противную девицу, цепляющуюся за своего бывшего бойфренда в течение долгих недель после того, как он отшил ее, поскольку она отказывалась признавать, что он ненавидит ее до мозга костей. Элиза Мерк – низкопробная злодейка, устраивающая тайное логово в канализации. Элиза Мерк – героиня комиксов.

Но Элиза Мерк – это я. И я не считаю, что ужасна и неадекватна до такой степени, чтобы вешаться на бывшего, бросившего меня бойфренда. Я не подойду к канализации ближе, чем на десять футов, и, к несчастью, я не являюсь героиней комиксов. Хотя, похоже, имею к ним прямое отношение.

Днем я учусь в школе, а по ночам выпускаю на свободу свою тайную ипостась и превращаюсь в ЛедиСозвездие, создательницу одного из популярнейших веб-комиксов «Море чудовищ» и бесстрашную предводительницу собственных фанатов. Я обладаю сверхспособностью – могу рисовать часами напролет, не обращая внимания на то, сколько сейчас времени и что я давным-давно не ела. Я успешно скрываюсь от любопытных глаз, и когда принимаю свой обычный вид, меня не распознать.

Почему ЛедиСозвездие? – можете спросить вы.

Отвечаю: потому что мои любимые персонажи в «Море чудовищ» – это люди, у которых звезды в крови. Они – ноктюрнианцы, – следуя своей природе, чертят звезды и наносят их на карту неба. Это их жизненное призвание. Они осознают, что должны делать это, а я осознаю, что должна рассказать о них. Именно ЛедиСозвездие вычерчивает эту историю, соединяя узловые моменты содержания, действующих лиц и место, где все происходит – подобно тому, как ноктюрнианцы выстраивают из звезд созвездия. Она ничего не боится, как и ноктюрнианцы; она таинственна и холодна, как ноктюрнианцы; и, как ноктюрнианцы, верит во все мистическое, сверхъестественное и непознанное.

ЛедиСозвездие – героиня, раз в неделю берущая верх над Элизой Мерк и празднующая эту победу с обожающими ее фанатами. Она любима всеми, даже негодяями и злодеями, потому что без нее злодейства не существовало бы.

Я ЛедиСозвездие.

И я же Элиза Мерк.

И этот парадокс неразрешим.

Властители дум :: Разделы :: Веб-комиксы

ЛУЧШЕЕ, ЧТО ВЫ СЕГОДНЯ ПРОЧТЕТЕ

отправлено в 10:46 19-02-2014 пользователем

Корова Апокалипсиса

идите туда. читайте. и потом благодарите меня.

<http://monstrousseas.blogspot.com/>

+503 830/-453 | 2 446 873 комментариев | ответить | пожаловаться

Глава 1

Пост, с которого все началось, открыт у меня в компьютере, и с утра пораньше я, еще заспанная, добираюсь до него. За ночь появились новые три сотни комментариев. Я не знаю, о чем они – вот уже несколько месяцев я комментарии не читаю. А смотрю на пост для того, чтобы ежедневно напоминать себе, что все это – вся моя жизнь – существует в реальности.

Точный момент, когда все началось, запечатлен в истории.

Приглаживаю взъерошенные волосы, зеваю и тру глаза, прогоняя сон. Моргнув, обнаруживаю, что пост по-прежнему на своем месте, радостно висит в верхней части страницы раздела сайта Властители дум, посвященного веб-комиксам. После двух-то лет он вполне мог скатиться ниже. Но нет.

Спешу закрыть браузер, не желая нарушить установленные мной правила. Я не читаю комментарии. Они взрывают мой мозг, а мне он сейчас нужен в полном порядке. Открываю фотошоп с тем, чтобы найти файл, над которым работала ночью, – полузаконченную страничку «Моря чудовищ». Я все нарисовала и приступила к раскрашиванию, но не довела дело до конца, а еще мне нужно добавить сюда текст. И тем не менее я опережаю свой график работы. За неделю я закончу главу. Мой минимум – страница в неделю; в среднем же я делаю три. Мне всегда есть что выложить в Интернет.

Быстро проглядываю страницу, взгляд перескакивает от кадра к кадру, я проверяю, все ли правильно с персонажами и местом действия. Прикидываю в голове цвета, а потом источники света и тени. Текст. С ходом событий все в порядке, но в нижней части страницы нос у Эмити опять получился слишком узким. Это всегда заметно при увеличении изображения. Ох уж этот нос.

Исправлю позже. Сейчас у меня нет на это времени.

Словно соглашаясь со мной, звенит будильник, и я подпрыгиваю на месте от неожиданности – даже зная, что сейчас это произойдет, даже пялясь прямо на него. Шаркаю в другой конец комнаты, чтобы выключить звонок, прежде чем он разбудит спящих в соседней комнате Черча и Салли. Глупые ученики средней школы могут поспать еще полчаса и потому считают себя царственными особами.

Схожу вниз. Мама уже приготовила для меня два яйца вкрутую и стакан свежавыжатого апельсинового сока. Понятия не имею, когда она варила яйца. Определенно не прошлой ночью, а сейчас только-только начинает светать. Она сидит за барной стойкой в спортивном костюме, волосы стянуты в конский хвост, и читает на планшете статью о здоровом образе жизни. Несколько прядей ее волос выбились из прически; снизу из душевой слышен плеск воды: они с папой уже вернулись с пробежки. Ужас какой-то.

– Доброе утро, солнышко! – Знаю, в какой-то из вселенных ее голос звучит с нормальной громкостью, но только не в этой. – Завтрак готов. Ты хорошо себя чувствуешь? А то ты немного бледная.

Я хрюкаю. Утро – это же дьявольское время. А мама весь год, по крайней мере раз в неделю, заявляет, что я «немного бледная». Буквально падаю на высокий стул перед яйцами и соком и приступаю к еде. Может, стоит выпить кофе? Вдруг станет лучше? Но кофе способен также вызвать у меня спиралеобразный приступ депрессии.

Под локтем у мамы лежит сегодняшний номер «Уэстклиффской звезды». Я забираю его у нее. Заголовок на первой странице гласит: «НА УЭЛЛХАУССКОМ ПОВОРОТЕ ПОВЕШЕНЫ ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИЕ ЗНАКИ». Под ним размещена фотография крутого поворота за Уэллхаусским мостом, где земля сплошь покрыта венками из цветов, лентами и игрушками. Вот вам местные новости Индианы: писать не о чем, поэтому журналисты заполняют место напоминанием о том, что на Уэллхаусском повороте каждый год гибнет больше людей, чем в

пастях белых акул. Опять же новости Индианы: дорожный поворот сравнивают с акулами.

Приканчиваю первое яйцо. Папа появляется из заднего коридора, благоухающий, как пачка мятной жвачки, одетый не совсем в тот костюм, в котором бегают по утрам с мамой, и это значит, он переоделся для работы.

– Доброе утро, Эггз! – Он встает у меня за спиной, кладет руки на мои плечи и наклоняется, чтобы поцеловать в макушку. Фыркаю в ответ на это прозвище и засовываю в рот второе яйцо. Сваренный вкрутую рай. – Как спалось?

Пожимаю плечами. Ну сколько можно просить, чтобы ко мне не приставали с разговорами по утрам? У меня хватает энергии только на то, чтобы поглощать вкуснейшие яйца; и на слова ничего не остается. Не говоря уж о том, что через двадцать минут я должна быть в своей машине, чтобы добраться до школы к семи, а там уж великого множества разговоров не избежать, нравится мне это или нет.

Мама отвлекает папу при помощи статьи, которую читает, – по всей видимости, речь в ней идет о пользе езды на велосипеде. Я не обращаю на них внимания. Читаю о том, как прошлым летом водитель автобуса, везшего оркестр школы Уэстклифф-Хай, заснул за рулем и не вписался в Уэллхаусский поворот по пути с регионального конкурса. Жую. Перед этим речь шла о мужчине, ехавшем со своим сыном по этой дороге зимой. Пью сок. А еще раньше одна женщина рано утром везла детей в детский сад. Опять жую. Группа подвыпивших подростков. Доедаю яйцо. Одинокaя девушка, не справившаяся с управлением на скользком льду. Допиваю сок. Там нужно установить ограждение, и тогда машины не будут съезжать с поворота и лететь по холму к реке. Так нет же. Без Уэллхаусского поворота у нас не будет новостей.

– Не забудь, что у твоих братьев сегодня первая игра в соккер, – говорит мама, когда я слезаю со стула и несу тарелку и чашку в раковину. – Они очень волнуются, и мы все должны пойти и поддержать их. О'кей?

Ненавижу, когда она вот так говорит «О'кей». Словно ждет, что я разозлюсь на нее прежде, чем это слово успеет сорваться с ее губ. Она всегда готова к ссоре.

– Да, – отвечаю я. На большее я не способна. Возвращаюсь наверх в свою комнату за рюкзаком, блокнотом для рисования и туфлями. Несколько раз подпрыгиваю, пытаюсь добиться того, чтобы кровь прилила к мозгу. Яйца съедены. Энергия на подъеме. К сражению готова.

Справляюсь с порывом подойти к компьютеру, запустить браузер и зайти на форум «Моря чудовищ». Я не читаю комментарии и не захожу на форум до школы. Компьютер – моя кроличья нора; Интернет – моя Страна Чудес.

Я позволяю себе попасть в нее, только когда не имеет никакого значения, заблужусь я в ней или нет.

У Эмити было два дня рождения. Первый такой же, как у всех, и она не помнит его. Эмити не слишком заикливается на этом обстоятельстве, потому что она давно уже усвоила, что из заикливания на чем-либо не получается ничего хорошего. Второе рождение – или перерождение, она называла это то так, то так, в зависимости от настроения – она запомнила с поразительной ясностью и считает, что будет помнить всю оставшуюся жизнь.

Во второй раз она родилась в тот день, когда в нее вселился Страж.

Глава 2

Некоторые называют «Море чудовищ» феноменом. То одна статья, то другая. Кое-какие критики. Фанаты.

Я не могу употреблять это слово, потому что комикс – мое создание. Это моя история – о ней я пекусь больше, чем о чем-либо еще, она доставляет удовольствие многим людям – но феноменом я назвать ее не могу, потому что это претенциозно и нарциссично, и, честно говоря, вызывает у меня тошноту.

Странно, когда тебя тошнит от всеобщего признания?

Меня тошнит от многих вещей, связанных с «Морем чудовищ».

Эту историю одновременно очень просто и очень трудно объяснить. Я никогда не пыталась сделать это сама, но, думаю, в противном случае меня вырвало бы на чьи-нибудь туфли. Для того чтобы объяснить что-то в Интернете, достаточно прислать ссылку со словами: Вот, прочитай это. Люди щелкают мышками. Читают вводную страницу. Если она им нравится, они продолжают. Если нет, то так тому и быть, по крайней мере у меня нет нужды что-то объяснять.

Если бы мне пришлось поведать эту историю, не вдаваясь в детали, думаю она прозвучала бы так:

«На далекой планете Оркус девушка и юноша сражаются на разных сторонах в продолжительной войне между местными жителями и колонистами с Земли. В девушке и юноше обитают энергетические паразитические существа, которые боятся только друг друга. Вокруг океан, а в нем живут чудовища. Происходят всякие события. Цвета очень симпатичные».

Вот почему я художница, а не писательница.

Я начала выкладывать комикс «Море чудовищ» в Интернет три года тому назад, но он возымел успех, только появившись на Властителях дум. Его заметили и начали читать.

Им было интересно.

И это самое странное. Это было интересно не только мне, но и многим другим. Они переживали за Эмити и Дэмьена и за судьбу Оркуса. Им было интересно, а есть ли имена у морских чудовищ. Для них имело значение, выложу ли я новые страницы вовремя и насколько они хороши. Им была небезразлична даже я сама, хотя все они – и фанаты, и тролли, и журналисты, и критики – знали только мой ник. Может, анонимность автора тем более способствовала возникновению феномена. Она, конечно же, избавляет меня от лишней тошноты. Я получаю электронные письма от агентов и редакторов с предложениями издать «Море

чудовищ», но сразу же удаляю их; традиционное книгоиздательство – это огромное ужасающее явление, от которого мне приходится время от времени отбиваться палкой, чтобы у меня не болела голова при мысли о корпоративной машине, издевающейся над моим ребенком.

Я придумала «Море чудовищ» не для того, чтобы оно стало феноменом, а просто хотела сочинить интересную историю. Я продолжаю работать над ней, потому что что-то внутри меня, рядом с сердцем, говорит, что я должна делать это. Для того я и появилась на Земле, это нужно мне и моим фанатам. Эта история. Она моя, и мой долг – отпустить ее в мир.

Я говорю претенциозно?

Мне без разницы.

И это правда.

ФОРУМ МОРЯ ЧУДОВИЩ

ПРОФИЛЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

ЛедиСозвездие **

Администратор

ВОЗРАСТ: 00

АДРЕС: Остров Ноктюрн

УВЛЕЧЕНИЯ: Кататься на морских чудовищах, составлять карты звездного неба, исследовать механические дворцы.

Подписчики 2 340 228 | Читает 0 | Посты 5 009

ОБНОВЛЕНИЯ

Показать еще

14 окт 2016

Не забудьте, на этой неделе распродажа маек с «Морем чудовищ»! С Эмити и Далласом, Дэмьеном и воронами ужаса, и множеством морских чудовищ. Спешите купить! monstroussea.com/store

15 окт 2016

Вау, вы проглотили майки в один присест. Скоро будут еще! (И не забудьте про следующий подарочный набор!)

17 окт 2016

Думаю, ребята, вам понравятся сегодняшние страницы.

...

18 окт 2016

Хехехехехе, говорила же, что понравятся. >:D

19 окт 2016

Да-да, знаю, я – зло.

19 окт 2016

Вам так пришлись по душе майки, что мы продолжим распродажу! Новеньких, с иголки!

20 окт 2016

С нетерпением жду сегодняшней серии Собачьих дней. Надеюсь увидеть всех в чате.

Когда Эмити спрашивали, на что было похоже перерождение, единственное, что она могла ответить, так это «Было больно». В нее проникла некая сущность, состоящая исключительно из энергии, и преобразовала ее генетическую структуру. Как еще она могла себя чувствовать? Но люди на острове НоктюРН упорны и глубоко духовны, а Страж – один из их великих охранников, и потому она в конце концов стала отвечать: «Я испытала просветление».

Глава 3

Школа показалась мне еще большим наказанием, чем обычно.

Но мне наплевать. Этим прекрасным октябрьским утром я стою у своего шкафчика и смотрю вдоль коридора. В самом его начале красуется постер, напоминающий ученикам о том, чтобы они купили билеты на футбольный матч, который состоится в пятницу вечером. Кто-то его там повесил. Боже, кто-то его сделал. Кто-то нарисовал, раскрасил, и все такое. Мимо проходят ученики в костюмах, соответствующих теме сегодняшнего дня праздничной недели, а именно хиппи. Вокруг великое множество пацификов и одежды из батика. Школьный дух торжествует.

Каждый вечер я едва успеваю выполнить домашнее задание; так откуда у людей столько энтузиазма, чтобы озаботиться всем этим? Те, кто ловит от этого большой кайф и одет в невероятно смешные костюмы, учатся в выпускном классе, подобно мне. Как им все это удастся? Это законный вопрос: у меня такое чувство, будто кто-то пошутил, а я не уловила суть шутки, и теперь все хохочут без меня.

Стою у своего шкафчика в висящих на мне джинсах и мешковатой толстовке, считая минуты, когда же можно будет пойти в класс. Рядом с соседним шкафчиком толпятся мальчишки в ярких банданах и розовых очках; один из них так сильно распахивает дверцу, что она ударяет меня промеж лопаток. Мальчишка, сотворивший это, начинает рассыпаться в извинениях, но тут узнает меня, понижает голос и чуть ли не фыркает. Я отворачиваюсь и не обращаю на них внимания, пусть идет прочь, и тут один парень натягивает на голову капюшон и начинает изображать пещерного человека – горбатит спину и кривит пальцы, словно это когти. Остальные смеются. Стягиваю с головы капюшон.

Это место мне не по душе, но осталось пережить всего семь месяцев здесь – семь месяцев и выпускной вечер. А потом колледж. А колледж, как я знаю из нескольких надежных источников в сообществе фанатов «Моря чудовищ», настолько лучше, чем школа, что просто обхохочешься.

Хочу поскорее оказаться в таком месте, где школа кажется всего-навсего неудачной шуткой и можно не общаться с людьми, с которыми не хочется общаться, и всем безразлично, как я одета, как выгляжу и чем занята.

Когда мальчишки исчезают за поворотом и я больше не привлекаю чьего-либо внимания, то вновь поворачиваюсь к шкафчику. В девятом классе я разрисовала его персонажами «Детей Гипноса» – моей любимой книжной серии. Несколько ранних набросков для «Моря чудовищ» уже прятались по углам, но это было задолго до того, как «Море» стало чем-то цельным. Теперь я храню в шкафчике только школьные вещи. А нужные мне материалы и книги лежат у меня в рюкзаке. Блокнот беру под мышку. Рюкзак у меня за спиной. И ко мне возвращается чувство собственного достоинства.

А теперь в класс для внеклассной работы.

– Элиза, можно тебя на минуточку? – У миссис Граер имеется привычка набрасываться на первого ученика, переступающего порог класса, когда ей что-либо нужно, и сегодня эта участь выпадает мне. Я попадаю в ее радостные учительские руки в буквальном смысле этого слова. Вся кажущаяся воплощением счастья в желтом летнем платье не по сезону, с серьгами в форме бананов, она одаряет меня сияющей улыбкой.

Высвобождаю руку из ее руки так, чтобы не создавалось впечатления, будто мне неприятно ее прикосновение. Я не имею ничего против миссис Граер. Обычно она мне нравится. Я бы хотела, чтобы она была моей настоящей учительницей, а не только в классе, где мы делаем домашние задания, потому что она не заставляет меня говорить, если я этого не хочу, и ставит оценки за работу на уроке даже тем, кто на нем только присутствует.

– Сегодня к нам пришел новый ученик, он перевелся из другой школы, – говорит она, улыбаясь, и делает шаг в сторону. И я вижу перед собой парня немного выше меня ростом, сложенного, как футболист, одетого в джинсы и рубашку Уэстклифф-Хай. Он не пробыл здесь и дня, а уже проникся духом нашей школы. Парень запускает руку в короткие темные волосы и смотрит вперед ничего не выражающим взглядом, будто и не видит. У меня становится тяжело в желудке. Он определенно принадлежит к тому типу людей, которых я стараюсь избегать, – мне нравится быть невидимкой, но не нравится, когда смотрят сквозь меня.

– Это Уоллис, – представляет его миссис Граер. – Мне бы хотелось, чтобы ты, прежде чем вы пойдете на уроки, немного рассказала ему о нашей школе и помогла разобраться с расписанием.

Я пожимаю плечами, не собираясь отказывать ей в ее просьбе. «Нет» обычно порождает больше проблем, чем решает. Миссис Граер улыбается.

– Прекрасно! Уоллис, это Элиза. Вы можете сесть за соседние столы.

Уоллис следует за мной в дальний конец класса. Двигается он медленно, тяжело садится и оглядывается по сторонам, будто еще не проснулся. Он снова смотрит на меня, я молчу, он достает телефон и начинает что-то читать.

А мне и не хочется с ним разговаривать. Школа – это не так уж и сложно, и я уверена, он достаточно сообразителен, чтобы самому разобраться, что к чему.

Скрещиваю ноги и кладу на них блокнот – так, чтобы никому не было видно, что там, и начинаю работать над следующей страницей «Моря чудовищ». И забываю об Уоллисе. Забываю о миссис Граер. И вообще о школе.

Я исчезаю.

День проходит как обычно: исчезаю я так достоверно, что учителя меня не замечают; всеми силами стараюсь преодолеть искушение проверить, что там на форуме «Моря чудовищ» у меня в телефоне. Говорят, учиться в школе гораздо легче, если у тебя есть друзья, с которыми можно поболтать, но все мои друзья в Интернете. Или по крайней мере я считаю, что они у меня там есть. Когда я росла, то у меня были друзья и в школе, и по соседству, но не близкие. Никто не приглашал меня в гости с ночевкой или в кино. Пару раз звали на дни рождения, но мне иногда кажется, только потому, что моя мама просила об этом других мам. Я была странным ребенком, я и сейчас странная. Но теперь ни я, ни кто-то из одноклассников не питает иллюзий по поводу того, что мы должны общаться на некоем особом уровне.

Папа любит говорить, что считать себя странной – это нормально. «Ну, Эггз, тебе остается только поверить мне, когда я утверждаю, что так думают многие ребята твоего возраста». Может, он и прав. Но я знаю, что в прошлом году Кейси Миллер увидела, что я иду за ней в коридоре, и завизжала от страха, прежде

чем отскочить в сторону. Она, разумеется, полуискренне извинилась секундой позже, но во время перемены коридор битком набит – и разве кто пугается ученика, идущего позади него? Я знаю, что неделей раньше я опоздала на физкультуру из-за особенно сильных менструальных спазмов в животе, за что весь класс был наказан десятью минутами бега по лестнице, и на меня до сих пор смотрят как на убийцу. Знаю, что за несколько месяцев до этого Мэнни Родригез подначивала несколько своих подруг-пловчих влезть впереди меня в очередь во время ланча, но они отказались, испугавшись, что я нашла на них демона.

Я действительно похожа на такого человека? На сектантку? Религиозную фанатичку? Я настолько странная, что меня можно пригласить побыть «плохим парнем недели» на криминальном телешоу, показываемом в прайм-тайм?

Мои родители удивляются тому, что у меня нет друзей, а их нет вот почему: я не хочу дружить с этими людьми. Даже самые милые из них считают меня странной; я читаю это на лицах, когда им грозит опасность оказаться со мной в одной паре для работы над каким-нибудь проектом. Никто никогда не хочет меня в свою группу. Не потому что я отвратительная ученица и за меня приходится вкалывать, просто я одета, как бездомная, и все время молчу. Когда я была совсем маленькой, мне это нравилось. Теперь мне это непонятно.

Нужно перерасти собственную странность.

Нужно захотеть общаться.

Захотеть друзей, на которых можно смотреть, к которым можно прикасаться.

Но мне не хочется дружить с людьми, которые уже решили, что я слишком странная для этой жизни. Возможно, если они узнают, кто я и что делаю, то перестанут считать меня слишком уж странной. Может, тогда странность покажется им эксцентричностью. Но в школе я могу быть только Элизой Мерк, а Элиза Мерк – всего лишь подстрочное примечание к их жизни. И к моей тоже.

Ко времени звонка с седьмого урока у меня полностью нарисована новая страница «Моря чудовищ», готовая к тому, чтобы ее обвели, но думаю я о той странице, что у меня дома и которую мне предстоит доделать. Новые страницы

обязательно появляются в Интернете в пятницу вечером. Как телешоу или спортивные передачи. Моим читателям нравится стабильность. И я рада им ее обеспечить.

Кладу книги обратно в шкафчик и направляюсь на автостоянку, стараясь держаться ближе к стенам и стать незаметнее. Большинство ребят уже в машинах, забивших стоянку. Выходя из парадной двери школы, роюсь в рюкзаке в поисках ключей.

Этот парень, Уоллис, сидит на скамейке неподалеку и держит в руке телефон, словно ожидает сообщения. В другой руке у него ручка, и он может делать записи на стопке скрепленных листов бумаги, лежащей у него на коленях. Вид у него опять такой, словно он вот-вот заснет. Наверное, ждет, когда его отвезут домой. А может, просто умен и знает, что лучше немного повременить, и тогда на стоянке станет посвободнее. Я какое-то мгновение смотрю на него. Можно было бы его подвезти, но это будет выглядеть странно. Элиза Мерк никого не подвозит, и никто никогда не просит ее об этом.

Он начинает поднимать глаза, я отвожу взгляд и тороплюсь к машине.

Глава 4

Корова_Апокалипсиса: работаешь сейчас над новой страницей?

Таящаяся: Нет – уже закончила. Еду в машине смотреть на братьев, играющих в соккер. Блокнот со мной.

полбяныхлопья: Блин

полбяныхлопья: Эй получила мою посылку?

Таящаяся: Нет! Ты еще послала? Ты не обязана делать это, Эм!

полбяныхлопья: :DDD люблю посылать всякое такое вам ребята!!! А в этой хорошие вещи

Корова_Апокалипсиса: а когда ты посылала что-то другое?

Корова_Апокалипсиса: а где моя посылка???

полбяныхлопья: Успокойся глупыха, ты тоже свое получишь

полбяныхлопья: Э ты будешь на просмотре Собачьих дней да?

Таящаяся: А то ж. В тот день, когда я пропущу Собачьи дни я съем собственную ногу.

Корова_Апокалипсиса: *делает скриншот*

Корова_Апокалипсиса: пусть все знают что если элиза пропустит Собачьи дни, то съест собственную ногу.

полбяныхлопья: Властителям дум это понравится

полбяныхлопья: Создатель Моря чудовищ съедает собственную ногу из-за подростковой мыльной оперы

Корова_Апокалипсиса: низкопробной подростковой мыльной оперы

Таящаяся: Низкопробной подростковой мыльной оперы? Да. Дико увлекательной? Тоже да.

полбяныхлопья: Аминь

– Снова строчишь своему бойфренду? – Салли кладет подбородок на мое плечо. Черч перестает смотреть в окно и тоже придвигается ко мне. Пристраиваю телефон экраном вниз на блокнот на моих коленях.

– Перестань заглядывать мне через плечо, – рявкаю я. – И это не бойфренд, а всего лишь Макс и Эмми.

– О, всего лишь Макс и Эмми, – язвит Салли, делая в воздухе кавычки.

– Ну конечно же. – Черч издает сдавленный смешок и изображает кавычки секундой позже.

– Эй вы, ведите себя хорошо, – чирикает мама с пассажирского сиденья. Папа издает одобрителный звук.

Мы въезжаем на автостоянку спортивного комплекса, где Салли и Черч будут играть в соккер в зале. Получасовая поездка благодаря Макс и Эмми пролетела незаметно, но я не беру телефон, пока два ночных кошмара не выбираются из машины, а потом, уткнувшись в него, иду за мамой и папой в здание комплекса.

Корова_Апокалипсиса: но если серьезно, Собачьи дни хуже всего.

полбяныхлопья: Сейчас еще ничего по сравнению со вторым сезоном когда Хизер замутила с Беном

Корова_Апокалипсиса: во втором сезоне хизер была с джейсоном, а не с беном.

полбяныхлопья: Слова человека не смотрящего Собачьи дни

Корова_Апокалипсиса:...

полбяныхлопья: О, как низко пали великие

Я хихикаю. Папа оглядывается на меня:

– Что у тебя такого смешного, Эггз?

Снова переворачиваю телефон и прижимаю его к блокноту, ощущая маленькие вспышки раздражения:

– Ничего.

Пока я не уверена, что мама или папа больше не обращают на меня внимания, держу телефон опущенным и смотрю перед собой. Это здание больше всего похоже на склад. Огромное пустое помещение с передвижными перегородками, служащими стенами для разных залов. Волейбольного, баскетбольного, теннисного корта. Его размеры невероятны. В центре огорожено поле для игры в соккер, с трибунами и всем, чем нужно. Я фотографирую его и посылаю в чат.

Таящаяся: Настоящий ад.

полбяныхлопья: Моя сестра зависла в одном из таких залов

полбяныхлопья: Глядя на них хочется принять душ

Корова_Апокалипсиса: странные у тебя желания, хлопья. не везет тебе, э.

Таящаяся: Я здесь умру, похороните меня вместе с моими творениями.

Корова_Апокалипсиса: будут спеты гимны, нераскрытый потенциал будет оплакан. кому-то надо будет оповестить фанатов. как главный администратор по безопасности форумов мч беру эту обязанность на себя.

полбяныхлопья: Давно ты называешь себя Главным администратором по безопасности

полбяныхлопья: Ты всего лишь банишь троллей

* * *

– О, Элиза, посмотри! – Мама гладит меня по плечу. Поднимаю глаза и вижу, что она изучает постер у входа в комплекс. Папа и мальчики уже направились к игровому полю, где команды разминаются перед предстоящим матчем. – Скоро начнутся теннисные уроки. Я уверена, тебе понравится теннис – там каждый играет сам за себя, и это прекрасная физическая нагрузка.

– Нет, – буркаю я и возвращаюсь к телефону. Мама сразу же оставляет меня в покое.

Такое повторяется регулярно. Будучи маленькой, я не могла противиться родителям, и они записывали меня на занятия по всем существующим на свете видам спорта. Малая бейсбольная лига. Соккер. Баскетбол. Волейбол. Я ненавидела все это, потому что у меня не было – нет – хорошей координации и я не любила – не люблю – общаться, и потому играла я плохо и мои товарищи по команде бывали рады избавиться от меня. Когда я впервые сказала папе, что больше не хочу играть в софтбол, он вспылил и целую неделю не разговаривал со мной. Мама же пыталась меня переубедить.

Это сформирует мой характер. Это поможет мне завести друзей. Это будет хорошо для физического развития.

Я настояла на своем. А впоследствии бросала и все другие виды спорта. Избавление от них можно сравнить с избавлением от старых тяжелых доспехов. Черч и Салли любили спорт, что отвлекало родителей от моего упрямства, но попыток приобщить меня к этому делу они не оставляли. Если я говорила «нет», они все равно продолжали свои уговоры. Я же продолжала говорить «нет».

Теперь же, на этом стадионе, они предложили мне новый вариант, я опять сказала «нет», и дело с концом.

Иду за мамой на поле для соккера и пристраиваюсь рядом с ней в первом ряду трибун. Папа стоит поодаль с тренерским блокнотом в руке и что-то вещает группе нескладных мальчишек в небесно-голубой форме. Им лет по четырнадцать или меньше. Достая из кармана карандаш и ластик и открываю блокнот.

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты не таскала его с собой повсюду, – говорит мама. – Почему бы тебе не посмотреть, как играют мальчики?

Я поднимаю на нее глаза, смотрю на поле, а затем снова утыкаюсь в блокнот. У меня нет ответа, который она была бы рада услышать, и я вообще молчу.

Мы успеваем домой к началу «Собачьих дней». Выкарабкиваюсь из машины по коленям потного Салли, быстро хватаю из холодильника бутылку воды и стремглав лечу в свою комнату, включаю маленький телевизор, стоящий на краю стола рядом с компьютером, и начинаю переключать каналы, пока не нахожу нужный. Уже идут начальные титры. Пробуждаю к жизни компьютер и тороплюсь на сайт.

На Monstrousseas.com не только все выпуски «Моря чудовищ», что я нарисовала на данный момент, но и самый большой форум фанатов комикса, а также чат-страница, где раз в неделю я появляюсь под псевдонимом, чтобы посмотреть с фанатами «Собачьи дни». Только в эти моменты ЛедиСозвездие говорит «в прямом эфире».

ЛедиСозвездие: Я ЗДЕСЬ! Не волнуйтесь, я здесь!

моби66: Ура!

ДевушкаКто: ура-ура-ура

проблемахьюстона: Мы боялись, ты не появишься!

Вслед за этими комментариями следует поток новых. Обычно в чате столько народу, что я не успеваю отвечать всем. Выдаю что-то по поводу шоу и позволяю людям реагировать на мои высказывания. Разговаривают они между собой. В основном о том, что я среди них, что мы смотрим одно и то же, и в кои-то веки никто не судачит о «Море чудовищ».

Я люблю «Море чудовищ» так же – а возможно, больше – чем они, но даже мне необходимо изредка поговорить о чем-то несущественном.

На телефон, с которого я до сих пор залогинена как Таящаяся, приходит личное сообщение.

Корова_Апокалипсиса: вот что меня интересует! обнаружит ли спенсер, что джейн лесбиянка и встречается с его бывшей?

Макс в жизни не признается в этом, но ему нравится смотреть «Собачьи дни», как и всем нам. Об этом знаем только мы с Эмми, но в данный момент она слишком занята тем, что резвится в основном чате.

Посылаю Максу несколько бессмысленных эмоджи и начинаю комментировать в основном чате содержание новой серии «Собачьих дней», где Спенсер действительно обнаруживает, что Джейн лесбиянка и встречается с его бывшей девушкой по имени Дженнифер. Не могу понять, что это: бездумный поворот сюжета или шоу действительно пытается сделать заявление о правах геев. Посылаю сообщение на форум. Людям нравится.

Во время первой рекламной паузы сканирую на компьютер новую страницу «Моря чудовищ» – ту, что нарисовала сегодня в школе – и загружаю ее в фотешоп, чтобы обвести. Мой планшет ждет меня, как призовой рысак, готовый вырваться из стойла. Изображение на его экране повторяет то, что выведено на компьютер. Натягиваю старую перчатку с отрезанными большим, указательным и средним пальцами на правую руку, чтобы не заляпать экран, и рука начинает легко скользить по нему. Ничто не способно запороть работу надежнее, чем неловкое движение руки.

Работа с линиями – моя любимая. За ней следует раскрашивание, но изощренность работы с линиями не сравнима ни с чем. Хорошие линии сделают или уничтожат картинку. Кроме того, на этой странице линии должны быть очень красивыми. Эмити и Дэмьен находятся в эпицентре Битвы песков, во время которой оркианцы и земляне сражаются за контроль над столицей пустынных земель.

Персонажи «Моря чудовищ» часто используют силы природных стихий, и потому здесь линии должны быть очень точными, как в аниме. Особенно если в кадрах присутствуют Эмити и Дэмьен, ведь они дерутся при помощи кристаллов и тумана. Углы и кривые. Красота.

Реклама кончается прежде, чем мне удастся сделать что-либо толковое. Кладу ручку, возвращаюсь в чат и вижу, что к нему присоединились несколько заметных участников.

ЛедиСозвездие: Надеюсь, за время рекламы никто не стал причиной каких-либо неприятностей.

вызывающийдождь: определи, что такое «неприятности».

Холодный_Огонь: Неприятности, сущ. Этот парень.

вызывающийдождь: Тонко.

Холодный_Огонь: Стараюсь.

Вслед за этим быстрым обменом репликами следует шквал взволнованных «вызывающийдождь!!» и несколько реплик «Здесь Ангелы!».

Ангелы – это группа из пяти фанатов, взявших себе имена, как у Ангелов в «Море чудовищ», хранителей планеты Оркус. Я никогда особо не общалась с вызывающимдождь и другими Ангелами, но видела их на форумах. Их невозможно не увидеть на форумах. Они почти так же популярны, как я.

Музыка в телевизоре достигает пика громкости. Я вовремя поворачиваюсь, узнаю, что Джейн обнаруживает, что беременна от Спенсера, и тут опять дают рекламу. Эта серия действительно посвящена обсуждению сложных проблем. Обратно к основному чату.

ЛедиСозвездие: Опять беременность? В шоу уже есть ребенок, еще одного усыновляют, а еще аборт! Как они справятся с этой проблемой и не окажутся в противоречии с НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНЬЮ ПОДРОСТКОВ?

вызывающийдождь: Хахахахаха

Ответ появляется мгновенно, и у меня в груди возникает странное теплое чувство. Остальные хохочут, и это благодаря ему. Он самый читаемый автор фанфиков по «Морю чудовищ». Я видела некоторые его вещи. Они действительно смешные. То есть охрененно смешные. Я не могла бы сделать «Море чудовищ» таким смешным, если бы даже попыталась.

И то, что он смеется над моими словами, заставляет меня чувствовать себя так, будто я выиграла в лотерею.

А потом он отвечает:

вызывающийдождь: ПОВОРОТ СЮЖЕТА. На самом деле это был ребенок Джейннифер. Джейн изменяла Спенсеру уже давно. Когда родилась девочка, они назвали ее Джейннифер и стали жить счастливой лесбийской жизнью на окраине города и больше о Спенсере не вспоминали.

Я чуть не залила монитор водой, прочитав «Джейннифер». Остальные продолжали болтать, но их голоса отодвинулись для меня на задний план, и глаза выхватывали только реплики вызывающегодождь.

Холодный_Огонь: Подождите, как это две лесбиянки заимели биологического ребенка?

вызывающийдождь: Простите, никто не говорил, что это биологический ребенок Джейннифер. Кровь != семья. Я прав? Откликнитесь.

ЛедиСозвездие: Прошу прощения, я все еще пытаюсь пережить Джейннифер

вызывающийдождь: Тебе понравилось, правда ведь?;)

О боже, подмигивающий смайлик. Самая провокационная из всех вещей. Я краснею и тру щеки, чтобы скрыть это, хотя меня никто не видит. Какой самоуверенный, наглый ублюдок. Мальчики в школе никогда так со мной не поступают – не знаю, потому ли, что я вижу их лица, или потому, что они видят мое, а может, почему-то еще. Такие чувства я берегу для тех, кого встречаю онлайн, и, честно говоря, вызывающийдождь – первый, кто всколыхнул их. Создается впечатление, что в этом чате он общается исключительно со мной. Мы словно сидим рядышком на диванчике на многолюдной вечеринке.

У меня проблема:

Нужно ли что-нибудь ответить?

Пальцы зависли над клавиатурой. Телевизор раздражается рекламой средства против акне, затем наступает очередь рекламы передачи, которая последует за «Собачьими днями». Я печатаю:

ЛедиСозвездие: О, сам знаешь.;

Совершенный компромисс. Но по крайней мере я поставила такой же смайлик. Возможно, это получилось слишком жеманно, но я пыталась скрыть полное отсутствие мыслей в голове. И это глупо: я люблю Интернет за то, что он позволяет подумать, прежде чем ответить. Но мои мозги явно не в порядке. Не уверена, что флиртовать с кем-то на публике в образе ЛедиСозвездия – это мудро, а я даже не знаю, кто этот самый вызывающийдождь. Он вполне может оказаться дядькой за сорок, живущим на полуподвальном этаже дома своих родителей. Пальцы у этого типа в крошках от чипсов, и вдобавок ко всему у него имеется целая коллекция маек со «Звездными войнами», которые больше не налезают на его выпирающий живот.

Возвращаюсь к своим рисункам. Мои трясущиеся руки успокаиваются, когда я прикасаюсь к экрану планшета, и линии выходят четкими и ровными. У меня есть чем заняться во время рекламы, хотя из головы не идет это неприличное

подмигивание и мой ответ.

Эмити, с ее облаком светлых волос и пронзительными оранжевыми глазами, начинает линия за линией проступать на чистой странице. Пока это черно-белое изображение, но, рисуя, я всегда вижу его в цвете. Интересно, каково быть кем-то, чьи цвета возникают сами по себе, без участия того, кого раскрашивают? Каково быть такой яркой, что тебя невозможно не заметить? И дело здесь не в глазах Эмити или в ее волосах и даже не в коже. Дело в ней самой.

Оставляю нагромождение острых, как лезвия, оранжевых кристаллов на руке Эмити – отведенной назад, готовой нанести удар по врагам – на потом. Снова обращаюсь к сериалу.

Вызывающий дождь ничего больше не написал. Я то и дело комментирую происходящее на экране телевизора, но в основном сижу, откинувшись на стуле, без мыслей в голове и наслаждаюсь зрелищем того, как актеры, которым далеко за двадцать, притворяются тинейджерами, принимающими невероятно неверные решения и учащимися на своих ошибках. Время от времени какой-нибудь тролль забивает окно чата кричащими репликами, набранными капсом, или потоком смайликов, но его тут же блокирует пользователь Кузни_Ришта.

На телефоне появляется сообщение от Макса.

Корова_Апокалипсиса: рядовой Кузни, прибыл с банхаммером для несения службы.

Таящаяся: Прекрасная работа, солдат.

Корова_Апокалипсиса: ты же не просто так меня наняла.

Таящаяся: Да, чтобы Эмми не приходилось делать этого в дополнение к работе над сайтом.

Корова_Апокалипсиса: ха-ха.

Таящаяся: Но действительно, замечательная работа. Никто не умеет так хорошо обращаться с банхаммером, как ты.

Макс присылает еще несколько эмоджи. Женщина танцует сальсу. Крашенные ногти. Вспышка молнии. Он постоянно донимает Эмми просьбами добавить поддержку эмоджи в чате «Моря чудовищ», но она отказывается, потому что считает это ненужно смешным.

Эмми выдала в чат «Собачьих дней» нечто, немедленно вызвавшее бурную реакцию, и я не успеваю прокрутить ленту вверх и найти ее первоначальный комментарий.

Макс и Эмми не единственные, кто помогает вести форумы, но у них это получается лучше всех. И лишь они знают меня не только как ЛедиСозвездие, но и как Элизу. До того, как Макс стал моим вышибалой, и даже до того, как запостить на Властителях дум ссылку на «Море чудовищ», он писал тошнотворно-дотошные посты про теории заговора на форумах «Детей Гипноса». А Эмми, прежде чем сделала monstrousseas.com и открыла магазин, где я продаю всякие вещи, была душой компании фанатов «Детей Гипноса», одиннадцатилетняя девчонка, энергии которой хватило бы на небольшой город.

Не найди они мои рисунки, ничего такого не было бы. Каждый по отдельности, они наткнулись на мою полумертвую тему на форумах «Детей Гипноса», и именно там мы обустроили небольшое место для нас.

У меня есть друзья. Пусть мы живем за сотни миль друг от друга и я могу разговаривать с ними только на экране, но мы все равно дружим. Они собирают воедино и поддерживают не только «Море чудовищ». Но и меня.

Мы существуем только благодаря им.

После второго рождения она чувствовала, что Страж сидит у нее в голове и не спускает с нее глаз. Разумеется, у нее внутри не было чужих глаз, но так уж ей

казалось. Кусок горячего угля у нее в затылке. Иногда он опускался к плечам, хотя, глядя на себя в зеркало, она ничего такого не видела. И пыталась понять: то ли она раньше испытывала галлюцинации из-за слабости после перерождения, то ли сейчас ничего не чувствовала, потому что привыкла. В любом случае больше она не чувствовала ничего подобного. А Страж не говорил с ней с того самого дня, когда заключил с ней сделку.

Ее тело в обмен на его силу.

Глава 5

За два последующих дня я закончила еще две страницы. Я могу работать быстрее – делать страницу в день, если постараюсь, – но тогда начнет страдать качество, а это последнее, что мне нужно. Мы уже сделали так много, что комикс должен становиться все лучше, а не хуже. Я рисую страницы в школе и стараюсь как можно тщательнее проработать линии, прежде чем работа попадет в компьютер. Я рисую в классе, когда никто этого не видит, или за ланчем, сидя в насквозь продуваемом дворе, а не в столовой. Скоро для этого станет слишком холодно, и мне придется поискать столик внутри, что будет непросто, ведь когда я вхожу в столовую, все места уже заняты.

В пятницу, день праздничной игры, все принарядились в типичный для Уэстклиффа золотой цвет – в золотые футболки, вплели в волосы золотые ленточки и соответствующим образом раскрасили лица. В главном коридоре висят пять растяжек, призывающих футбольную команду СРАЖАТЬСЯ И ПОБЕДИТЬ. Когда я иду на четвертый урок и прохожу под растяжкой номер три, она внезапно отделяется от стены. Становится темно. Сражаюсь с растяжкой, пытаюсь стащить ее с себя, и слышу смешки. Растяжка падает на пол.

Трэвис Стоун и Дешан Джонсон – единственные два ученика в школе, которых я боюсь даже в свои удачные дни, прислонились к стоящим рядом шкафчикам и наблюдают за моей схваткой с растяжкой. Трэвис Стоун в своих вроде как спадающих с него джинсах и с очень короткой стрижкой похож на стервятника, а Дешан Джонсон – парнишка, то считающий, что тусить с Тэвисом очень клёво, то, что это вовсе не так. Десять лет тому назад они были милыми маленькими

мальчиками, и мы играли в салочки на детской площадке школы, и потому они вполне могли бы помочь мне в моем сражении вместо того, чтобы стоять и пялиться.

– Красивые волосы, – говорит Трэвис. Провожу рукой по голове и обнаруживаю, что рука нещадно сияет. Она вся в блестках. Глядя на выражение моего лица, Трэвис и Дешан заливаются хохотом.

В туалете я пытаюсь исправить положение дел. Но добиваюсь лишь того, что раковина оказывается полна золотых ошметок, а девочки бросают на меня странные взгляды, будто я сама с собой такое сотворила. Все надежды на счастье и заманчивое будущее моментально улетучиваются.

В конце дня я выхожу под хмурое небо и порывистый ветер к множеству машин, жаждущих покинуть стоянку. Через несколько часов все вернутся сюда на футбольный матч, битком набьют стадион за школой, будут выкрикивать возгласы поддержки в холодный вечерний воздух, собравшись в группы. Состоится парад на футбольном поле. Объявят минуту молчания, а потом будет произнесено несколько коротких речей в память музыкантов, погибших прошлым летом на Уэллхаусском повороте. Будут футболки, и вечеринки, и веселье до глубокой ночи.

Поправляю рюкзак и беру блокнот в обе руки. Машин слишком уж много. Могу поспорить, что в колледжах нет проблем с парковкой. Могу поспорить, что колледж – это здорово.

Поворачиваюсь и снова вижу Уоллиса, сидящего на той же самой скамейке. Он сидит там каждый день всю неделю. Вчера я узнала, что его фамилия Уорлэнд, и она, как мне кажется, очень подходит человеку его габаритов и телосложения. Похоже, он способен сокрушить все на своем пути.

Сегодня Уоллис Уорлэнд не один. Рядом с ним ошиваются Трэвис Стоун и Дешан Джонсон – вечное проклятье моей жизни. Столкнуться с давно позабытыми друзьями раз в день уже плохо, а дважды – значит нарваться на неприятности. Дешан стоит у скамейки, скрестив на груди руки, а Трэвис развалился рядом с Уоллисом, словно они старинные приятели. Уоллис сидит прямо, прикрывая руками бумагу, на которой что-то пишет, и смотрит куда-то влево от ботинок Дешана.

Уоллис не кажется мне человеком, способным подружиться с кем-то подобным Трэвису Стоуну, по крайней мере школьному-засранцу-Трэвису-Стоуну. Любопытство заставляет меня подойти к ним немного поближе и притвориться, что я сомневаюсь, стоит ли мне направиться к своей машине прямо сейчас. Достāju телефон и смотрю на его черный экран.

– ...прямо-таки по-печатному. Никто не умеет так хорошо писать. Как ты сказал, это называется?

Трэвис пытается взять один из листков. Уоллис сильнее прижимает руки к бумаге.

– Так что это такое? Фан... фан...

– Фанфики, – подсказывает Дешан.

Невозможно. Невозможно, чтобы Уоллис Уорлэнд писал фанфики. Фанфики к чему? Что так сильно нравится Уоллису Уорлэнду, что он пишет об этом фанфики? Можно ли писать фанфики о спортивных командах?

– Дай глянуть. – Трэвис пытается снова завладеть листком бумаги, отчего Уоллис еще больше напрягается.

– Я думаю, это про ту штуковину в Интернете, – говорит Дешан, вперившись глазами в листок бумаги. – Про море.

Волоски на моей шее встают дыбом. Сердце колотится. Они не могут говорить о «Море чудовищ».

Уоллис Уорлэнд не может писать к нему фанфики.

– Оставьте его в покое. – Я поворачиваюсь и направляюсь к ним, не успев сообразить, что делаю, и вовремя остановиться. Мой голос исходит из темного резерва храбрости внутри меня, я пользуюсь им на уроках ораторского искусства или же когда в одиночку иду к зубному врачу. Мое лицо морщится; ноги дрожат. Сердце бьется так, будто я только что пробежала милью.

Трэвис и Дешан смотрят на меня и улыбаются – ну, Дешан не то чтобы улыбается, а Трэвис скорее злобно ухмыляется. Боже, я же помню, как хорошо они когда-то умели улыбаться. Уоллис таращится на меня с непонятным выражением лица. Он понимает всю тщетность моего поступка? Может, я просто дам ему несколько секунд на то, чтобы сбежать. Все, на что я способна, так это неподвижно стоять, пока фанат – если и не фанат «Моря чудовищ», то фанат чего-либо – подвергается насмешкам из-за того, что он любит. ЛедиСозвездие не потерпела бы ничего подобного, и с этого самого момента я тоже не буду терпеть.

Трэвис изображает фальшивое удивление:

– О боже, да Мерки умеет разговаривать.

Мы учимся в одной школе со второго класса. Он прекрасно знает, что я умею хорошо говорить, в отличие от других учеников, которые верят, что я действительно немая.

– Оставь его в покое, Трэвис. – Мой голос становится слабее. Ресурсы мужества исчерпывают себя.

– Почему ты заступаешься за него, Мерки? Может, ты в него влюбилась?

Мое лицо мгновенно вспыхивает. Судорожно прижимаю край блокнота к бедру. Я знаю, что так он заставляет девушку замолчать либо смутиться до такой степени, что она не может дать разумного ответа. Он освоил этот прием в средних классах, когда я стала слишком странной для того, чтобы кто-то хотел иметь со мной дело. Если я прорвусь сквозь приемчики Трэвиса, то, может, выведу его из игры.

– Нет. Заткнись, – щебечу я. – Я просто – ты... пусть пишет, что хочет. Что бы это ни было, это не твоего ума дело.

– Не моего ума дело? Я не стану ему завидовать и обижать его, Мерки, просто мне хочется почитать. И в чем проблема?

– Он явно не хочет, чтобы ты это делал.

Все это время Уоллис не сводит с меня взгляда, мои уши начинают гореть. И потому я пропускаю момент, когда Дешан выхватывает у меня из рук блокнот.

– Эй!

Тянусь за блокнотом, но Дешан отступает, открывает его и смотрит на картинки. Несколько страниц трепещут на холодном ветру, но остаются в блокноте.

– Ух-ты, это действительно здорово, – говорит Дешан. – Трэв, думаю, она тоже имеет отношение к морским делам.

Он захлопывает блокнот и бросает его через мою голову Трэвису так, что я не могу перехватить его, даже подпрыгнув. Вставший тем временем со скамейки Трэвис ловит его и открывает. Несколько страниц летит по ветру.

– О, так вот почему ты за него заступаешься. Вам, ребята, нравится одно и то же.

– Верни немедленно! – Никто не должен заглядывать в этот блокнот. Я приношу его в школу, потому что он не такой важный, как остальные мои блокноты, но в нем тоже рисунки для «Моря чудовищ» – например, неоконченные страницы комикса – и они могут выдать меня. Кроме того, мне не нравится, что самодовольный взгляд Трэвиса Стоуна шарит по ним. Я не разрешала ему смотреть на мои рисунки, даже когда мы дружили, и не собираюсь менять свои привычки. Бросаюсь к Трэвису, чтобы забрать у него блокнот, но он перебрасывает его Дешану.

Я не буду собачкой. Не в выпускном классе. Не буду я этого делать. Но Дешан стоит с блокнотом в руках и просматривает страницы, и он не сойдет с места, пока я опять не начну рыпаться. Мои глаза застилают слезы. Прекрасно. Теперь я еще и рыдаю. Пусть мне будет еще хуже. Сжимаю кулаки и иду на Дешана. Но как только я подхожу достаточно близко, он смеется и бросает блокнот обратно Трэвису.

Снова разворачиваюсь, готовая кричать от отчаяния, и вдруг обнаруживаю, что между мной и Трэвисом возникает Уоллис и в руке у него блокнот. Должно быть, поймал на лету. Я и не подозревала, что он способен двигаться так быстро. Трэвис выглядит одновременно ошарашенным и слегка впечатленным. Уоллис поворачивается и смотрит на него, Трэвис примерно моего роста, так что, когда

они оба стоят, Уоллис возвышается над ним на полголовы, и он значительно шире. Трэвис кажется саженцем, растущим рядом с дубом.

Уоллис направляется к нему, все его тело напряжено, и Трэвису ничего не остается, кроме как поднять руки и сделать несколько шагов назад.

– Да ладно. О'кей. Успокойся, чувак. Черт побери. – Он смотрит на Дешана, дергает головой в сторону стоянки, и они быстро направляются туда. По пути Трэвис поднимает одну из выпавших страниц, смотрит мне в лицо, складывает ее и кладет себе в карман.

А Уоллис уже идет по дорожке и поднимает другие выпавшие страницы. Я наклоняюсь за теми, что лежат рядом со мной – Эмити приводит в действие свои кристаллы, чтобы взмыть в небо, Дэмьен окружен облаком тумана и стайей воронов ужаса – и вытираю глаза.

Уоллис возвращается, блокнот он держит нижней его стороной вверх, так что может положить на твердую обложку один из своих листков и что-то написать на нем. Он засовывает этот листок в блокнот вместе с подобранными страницами. Он не смотрит на меня так, будто я невидимка, он вообще на меня не смотрит; отводит глаза влево, затем вправо, затем опускает их и стоит молча, пока я не забираю у него блокнот. Я чуть не роняю его, но успеваю поймать, прижав к ноге.

Парень стоит рядом. Я должна что-нибудь сказать? Он хочет, чтобы я что-нибудь сказала? Уоллис чешет затылок, опускает руку к шее и делает глубокий вдох.

Сую руку в карман и достаю телефон, но Эмми и Макс, наверное, сейчас недоступны. Эмми в колледже, а Макс на работе. Мои пальцы зависли над экраном. Уоллис продолжает стоять, но теперь у него тоже в руке телефон.

Он вынул телефон. И не обращает на меня никакого внимания.

Твердым шагом иду прочь, так что он не успевает поднять глаз. Я совершенно уверена, что он скоро сделает это, но я уже на полпути к стоянке, и мне безразлично, если он считает меня странной, потому что я никогда больше не буду унижаться в его присутствии. Добравшись до машины, ныряю в нее и захлопываю дверцу. На стоянке еще слишком много машин, чтобы уехать. В

любом случае перед тем, как тронуться с места, надо снять с плеч рюкзак.

Перекладываю его на пассажирское сиденье, застегиваю ремень безопасности и кладу лоб на руль. Делаю вдох. Делаю выдох. Я не в себе. Это плохо. Жар немедленно заполняет машину, и меня одолевает огромное смятение. Почему Трэвис и Дешан именно сегодня пристали к Уоллису? Почему Уоллис сам не мог с ними справиться? Почему он, возможно, пишет фанфики к «Морю чудовищ»?

Поднимаю глаза и смотрю на блокнот. Он же что-то написал на своем листке, вряд ли фанфик к моему комиксу. Беру блокнот. Открываю его и достаю листок, который он в него положил.

Обычный лист из обычного блокнота. На нем удивительно четким и аккуратным почерком – хотя он писал очень быстро – выведено:

Спасибо.

Рисунки действительно очень хорошие.

полбяныхлопья: Продолжай

полбяныхлопья: Подожди

полбяныхлопья: Значит ты заступилась за него?

Таящаяся: Да.

полбяныхлопья: ...не вижу здесь никакой проблемы, Э

полбяныхлопья: Они обидели тебя?

Таящаяся: Нет... не так чтобы. Просто забрали у меня блокнот и немного покидали его.

Таящаяся: О'кей послушай я знаю что все выглядит совсем не страшно

Таящаяся: Но, ты не представляешь как этот парень смотрит на меня. Что-то вроде «Какое право ты имеешь просто стоять передо мной, ведь ты страшнее, чем то, что я изрыгаю, объевшись мексиканской еды».

3:19

(Корова_Апокалипсиса присоединился(-ась) к беседе)

Корова_Апокалипсиса: похоже, я не вовремя. я пошел.

полбяныхлопья: У Э кризис

Корова_Апокалипсиса: кризис в связи с чем?

Таящаяся: Да просто один наш новенький идиот, который то ли фанат, то ли не фанат Моря чудовищ определенно считает меня самым большим ничтожеством на свете.

полбяныхлопья: С какой стати ему так считать? Ты за него заступилась

Таящаяся: Я не знаю! Возможно потому, что я выставила его в невыгодном свете как мужчину. Или еще почему-то. Макс, мне нужен совет парня, который считает себя ущербным.

Корова_Апокалипсиса: почему ты немедленно предположила, что я когда-то прежде чувствовал себя ущербным?

Таящаяся: Потому что ты здесь единственный мужчина.

Корова_Апокалипсиса: если ты хочешь знать, чувствуют ли себя ущербными некоторые парни, когда девушка заступает за них перед хулиганами, то к несчастью я должен сказать, что да, такое случается.

Корова_Апокалипсиса: НО Я НЕ О СЕБЕ.

Корова_Апокалипсиса: ПУСТЬ ВСЕ ЗНАЮТ, ЧТО МАКС ЧОПРА НИКОГДА НЕ ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ УЩЕРБНЫМ.

Корова_Апокалипсиса: нет, правда, этот парень тебе что-то сказал? почему ты так переживаешь?

Таящаяся: Он НИЧЕГО не сказал. Вот в чем проблема!

Таящаяся: Он просто стоял и даже не смотрел на меня.

полбяныхлопья: А ты что-нибудь сказала?

Таящаяся:... Нет

полбяныхлопья: Ох

полбяныхлопья: Э

полбяныхлопья: Возможно проблема в этом

Корова_Апокалипсиса: тебя обучает социальным навыкам двенадцатилетняя девчонка из колледжа. как ощущения?

полбяныхлопья: Мне четырнадцать, а не двенадцать

полбяныхлопья: Придурок

Корова_Апокалипсиса: подожди, он что-то написал тебе в блокноте? и что там было?

Таящаяся: Он написал спасибо и что картинки хорошие.

полбяныхлопья: О БОЖЕ ТЫ МОЙ

полбяныхлопья: ВОТ ПОЧЕМУ ОН ПРОМОЛЧАЛ

Таящаяся: Что?

полбяныхлопья: ОН СЛИШКОМ НЕРВНИЧАЛ

полбяныхлопья: БОЮСЬ ТЫ ЕМУ НРАВИШЬСЯ Э

Таящаяся: Я очень, очень сомневаюсь в этом.

Таящаяся: То есть, **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** сомневаюсь.

Таящаяся: Он не относится к тем парням, у которых я обычно вызываю интерес.

Корова Апокалипсиса: а у каких парней ты обычно вызываешь интерес?

Таящаяся: У тех, которых сама придумываю.

Корова_Апокалипсиса: вааааааааааааааааааааааааааааау

Корова_Апокалипсиса: ваааааааааааааааа аау

Корова_Апокалипсиса:
 vaaa
 aaaaaaaaaaaaaaaaaa aaaaaaaaaa aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaay

Корова_Апокалипсиса: хочешь, чтобы я пришел и заполнил твой дом котами прямо сейчас или отложим это на несколько лет?

Таящаяся: Ха ха

Таящаяся: Мне придется сидеть рядом с этим парнем в классе для внеклассной работы. И что мне ему сказать?

полбяныхлопья: А что ты ему раньше говорила?

Таящаяся: Ничего, говорю же.

полбяныхлопья: Тогда продолжай в том же духе

полбяныхлопья: Если он захочет что-то сказать тебе он это сделает

Таящаяся: Почему двенадцатилетняя девчонка знает больше о мальчиках чем я?

Полбяныхлопья: МНЕ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Глава 6

В понедельник иду в класс для внеклассных занятий – мимо победных растяжек с надписью «ДИКИЕ КОТЫ – ЧЕМПИОНЫ» – и вижу, что Уоллис уже сидит на стуле рядом с моим. Но миссис Граер тоже здесь, она перехватывает меня в дверях. Сегодня у нее серьги в форме трилистника, а одета она в зеленую рубашку и черные слаксы.

– Как дела, Элиза? – спрашивает она, улыбаясь. Сейчас семь утра, а она уже улыбается? Жду, что она скажет дальше, но миссис Граер смотрит на меня так, будто действительно ожидает ответа.

– Э. О'кей? – говорю я. Она хмурится и наклоняется ко мне. Я повторяю громче: – О'кей.

– Прекрасно! Я просто хотела удостовериться, что все хорошо.

Просто хотела удостовериться? Почему? Она слышала о Трэвисе и Дешане, о том, что случилось в пятницу? Уоллис не стал бы рассказывать ей об этом, верно? Она молчит, я пожимаю плечами и прохожу мимо нее. Плохо уже то, что мне пришлось иметь дело с Уоллисом; и мне не хочется также иметь дело с учителями, беспокоящимися по поводу моей стычки с хулиганистыми учениками.

Сажусь на стул так быстро, как только могу, но Уоллис все равно отрывает глаза от телефона. А затем снова наклоняет голову, скребет шею и смотрит в сторону. Я держу на коленях рюкзак и плююсь в рыжий затылок Шелби Льюис. Затем, через несколько секунд пребывания в замороженном, тревожном состоянии, достаю телефон и начинаю просматривать последний длинный ночной разговор с Эмми и Максом. Я бы написала им сейчас, но Эмми еще спит, а Макс на работе. Они все равно не ответят, а к тому времени, как будут способны сделать это, нынешняя ситуация себя исчерпает.

Захожу на форум МЧ. Обычно я не читаю его с телефона, но положение у меня отчаянное. Вижу, что на нем присутствует несколько заметных людей, в том числе вызывающийдождь и Холодный_Огонь, перебрасывающиеся репликами в разделе для разговоров на общие темы. Обновляю страницу и обнаруживаю, что к беседе присоединяется все больше и больше участников. За вызывающимдождь всегда подтягиваются другие фанаты.

Спустя несколько минут волосы у меня на шее встают дыбом. Смотрю на экран и делаю вид, что не замечаю, как миссис Граер наблюдает за мной со своего места у двери.

Звенит звонок. Миссис Граер закрывает дверь, идет к своему столу и берет в руки лист посещаемости. Следуя школьным правилам, убираю телефон в карман и притворяюсь, что включаюсь в происходящее в классе, а не жду с нетерпением, когда же можно будет снова его достать.

А затем вижу на столе записку, которой там не было, когда я садилась.

На листке бумаги, почерком, столь четким и аккуратным, словно слова напечатаны на каком-то пишущем устройстве, выведено:

Тебе нравится «Море чудовищ»?

На этот раз почерк еще красивее, поскольку писал Уоллис не в спешке. Не знаю никого больше, кто способен писать такими прямо-таки печатными буквами. Смотрю на Уоллиса, тот склонился над столом, голова слегка повернута в сторону, он массирует мочку правого уха. На макушке, там, где он чесал ее, топорщатся волосы.

Прекрасно. Ему действительно нравится «Море чудовищ». Я не знаю, льстит мне это или пугает. Учитывая количество людей в школе, я понимала, что среди них может найтись хотя бы один фанат моего комикса, но я также была уверена, что мне не придется общаться с этим человеком. Никогда не придется. Никогда. Почему сейчас? Мне оставалось пережить всего семь месяцев. Почему сейчас, о жестокая Вселенная?

Уоллис поворачивается и смотрит на мой стол. Боже, он же ждет ответа. Ну и чудесно. Чего бояться-то? Он не знает, кто я. Ему известно лишь, что я рисую картинки, как в «Море чудовищ». Комиксы. Творчество фанатки. А эта записка – не что иное, как окошко в чате. Нет нужды смотреть ему в лицо, когда я буду отвечать. Просто напишу несколько слов и отдам листок.

Достаю ручку. Ее кончик зависает над бумагой. Тебе нравится «Море чудовищ»?

Да, нравится. «Море чудовищ» – самая любимая моя вещь на всем белом свете. Я люблю его больше, чем кого-либо. Я люблю его больше, чем себя. Больше, чем еду, и сон, и горячий душ. Больше, чем пребывание в одиночестве. Оно – для меня все.

Пишу: Да.

И передаю ему записку.

Может, миссис Граер и замечает это, но никак не реагирует. Уоллис расправляет листок, смотрит на единственное написанное мной слово, затем медленно берет ручку и начинает аккуратно «печатать». Он делает это так медленно. Тектонические плиты движутся быстрее, чем он. Он пишет, а я смотрю в сторону – до тех пор, пока не чувствую, что мне под локоть подсунут листок.

А кто твой любимый персонаж?

Мой любимый персонаж? Да они все у меня любимые. Я знакома с ними так давно, что даже те из них, кого я ненавижу, – мои любимцы. Для меня они более настоящие, чем реальные люди. Я люблю их всех. Но наверное, некоторых все же больше, чем остальных. ЛедиСозвездие тоже обожает спрашивать фанатов, кого они больше любят.

Я пишу Изариан Сайлас.

Когда я получаю записку обратно, в ней значится: Иззи хороший. А у меня Даллас. У него самая лучшая способность из всех Ангелов. Любимое место?

Сам Оркус – мое любимое место действия. Если бы я могла жить там, а не на Земле, то оказалась бы на нем в мгновение ока. Построила бы космический корабль, перелетела бы через кишасший чудовищами океан и посетила бы все места, что навоображала. Темный и далекий остров НоктюРН, на котором выросла Эмити; обширный и прекрасный Великий континент, где обосновались предки землян; заводной город Ришт, где Эмити и Дэмьен научились дружить и поняли, что вместе они – большая сила.

Пишу Ришт. В Риште никто не боится чудовищ. Чудовища там – напоминание о давно канувших в Лету веках, а люди, которые победили их, почитаются как боги.

На этот раз он пишет быстрее.

То же самое. За его термоядерную энергию, дворец часов и музыку. А еще из-за той гигантской когтистой статуи феникса, которую они сделали из всяческой еды на день рождения Рори. Я тоже хочу съедобную статую феникса.

И больше никаких вопросов. Несколько минут сижу над запиской, опять таращусь на затылок Шелби Льюис и ее заколки-бабочки в стиле 90-х. Все это время прижимаю кончик ручки к бумаге – до тех пор, пока рядом с аккуратным «дворец» не появляется большое синее пятно.

Наконец вывожу: Ты пишешь фанфики к МЧ?

Но когда я перекладываю записку ему на стол, звенит звонок. Хватаю рюкзак и несусь вон из класса, лишь немного помедлив в дверях. Еще даже не начался первый урок, а возможности моего дезодоранта уже иссякли. Еще не начался первый урок, а я уже знаю нового фаната «Моря чудовищ». В реальной жизни я их прежде не встречала.

Выбегаю в коридор, прежде чем Уоллис успевает что-либо сообразить.

* * *

Между первым и вторым уроками пишу Эмми и Макс, хотя они увидят мое сообщение позже.

Таящаяся: Свежая информация о Новичке: он действительно любит «Море чудовищ», и теперь он знает, что я тоже его люблю. Не уверена, что представляю, что с этим делать. Посоветуйте, пожалуйста.

К четвертому уроку температура моего тела приходит в норму. К счастью. Как раз наступило время ланча, и я иду во двор. Трава пожухла и побурела. Сильный ветер несет по бетону опавшие листья. Усаживаюсь за мой постоянный столик для пикников в углу. Через джинсы чувствую холод скамейки. Этот октябрь слишком холоден для Индианы, но, может, я просто переношу перепады температуры хуже, чем раньше. Теперь я не сижу на улице подолгу.

Однако я приемлю холод, раз он позволяет мне побыть в одиночестве. Проверяю телефон и вижу послание от Эмми – ВЛЮБИЛСЯ В ТЕБЯ, Э. Она, наверное, написала это на перемене. Закатываю глаза и достаю из сумки наушники и блокнот. Во время работы слушаю музыку – разумеется, Pendulum, это единственное, что подходит к боевым сценам из «Моря чудовищ». Раскрываю блокнот на чистой странице. Наконец-то я могу рисовать без помех. Засовываю в рот несколько ломтиков картошки-фри и начинаю делать грубый набросок следующей страницы.

На прошлой неделе мне не удалось нарисовать целую главу; я сделала всего лишь четыре страницы, но они оказались потрясающими. Я изобразила

гигантских роботов с головами животных, которых живущие в пустыне хайганы использовали в Битве песков. Эти роботы мне очень нравятся, но на их рисование уходит очень много времени, а если бы я рисовала их менее детально, то мне было бы стыдно перед великолепными художниками аниме. Битва продолжится по крайней мере две последующие главы, а то и все четыре, и это означает, что будет множество кадров с гигантскими боевыми роботами.

Я хочу зарыться в подробные рисунки этих самых роботов.

Шарю по подносу, чтобы взять еще картошки, а вместо этого натыкаюсь на висящий в воздухе листок.

Резко захлопываю блокнот и точно так же выдергиваю из ушей наушники. Передо мной стоит Уоллис, в руке у него все тот же листок бумаги, на котором мы переписывались. Сердце начинает колотиться; в шее появляется острая боль – потому что я слишком стремительно подняла голову, чтобы посмотреть на него. Взгляд у Уоллиса застывший, глаза широко распахнуты, словно я застучала его за чем-то, что он хотел бы оставить в тайне. Он слегка тянет листок на себя, а затем опять протягивает мне. В другой руке у него поднос с едой.

Слышен только шелест листьев, танцующих на земле, да из моих наушников доносятся «Пропановые кошмары».

Беру листок. Там мой вопрос: Ты пишешь фанфики к МЧ?, а ниже ответ – Да. А еще ниже карандашом, а не ручкой написано: Можно мне здесь сесть?

Меня снова прошибает пот. Черт побери. Листок, который я у него взяла, дрожит, потому что я сама дрожу. Он ведь не считает, что мы друзья, даже если я сказала Трэвису и Дешану, чтобы они не приставали к нему, верно? Потому что мы определенно не друзья. Может, он думает, что чем-то мне обязан?

Пишу карандашом для рисования: Ты можешь разговаривать?

Он читает, кладет листок на пустую часть своего подноса и пишет ответ. После чего отдает листок мне.

Да. Иногда. Это странно?

Странно? Да. Плохо? В разных случаях по-разному.

Садись.

Отодвигаю блокнот, рюкзак и телефон, чтобы он мог разместить поднос. Он действительно смотрится самым настоящим футболистом – его ноги едва помещаются под маленьким столиком, ему приходится сильно сгорбиться, чтобы поставить на него локти, и ест он тоже как футболист. Два гамбургера, двойная порция картошки-фри, две упаковки молока и мороженое в рожке. Нос у него кривой, словно когда-то был сломан, а щеки красные от холода.

Наши взгляды встречаются, и он слегка улыбается. Совсем чуть-чуть. В одной огромной руке у него наша переписка, а в другой он зажал карандаш, чтобы аккуратно написать что-то новенькое. Он шевелит губами, когда пишет, словно, записывая слова, произносит их.

Спасибо. Я знаю, миссис Граер уже познакомила нас, но все же – меня зовут Уоллис. Я пишу фанфики о «Море чудовищ». Трудно подружиться с кем-нибудь, если ты меняешь школу в выпускном классе.

Трудно, наверное, еще и потому, что ты все время молчишь, отвечаю я. Я Элиза.

Одной рукой он ест, другой пишет.

Привет, Элиза. Да, дело еще и в этом.

А какой фанфик ты пишешь?

Прочитав это, он поднимает глаза, а затем снова их опускает, его карандаш выводит: Сейчас я работаю над тем, что перевожу комиксы в прозаическую форму. В книги.

В книги? Я сама думала над этим – и претворила бы свой замысел в жизнь, если бы умела писать истории – но из комикса не так-то просто сделать книгу. Лучшее, что я смогла, – это собрать все страницы в графический роман, который можно будет купить в магазине «Моря чудовищ».

Это трудное дело. Комикс очень большой.

Он снова слегка улыбается. И пишет ответ минуты три.

Основная история может составить трилогию, это если я оставлю за бортом предысторию. Предыстория – все об Окрианском альянсе, и пиратах Дэмьена, и Ангелах, и риштианцах – может войти в один или два приквела.

Делаю глубокий вдох. И ты хочешь все это написать? Даже несмотря на то, что это не ты придумал?

Он пожимает плечами. Мне действительно нравится «Море чудовищ». Я рассматриваю это как вызов.

Закусываю губу, чтобы сдержать бушующие у меня в груди эмоции. Он даже не догадывается, какую честь мне оказывает. Это странно. И возможно, неправильно, верно? Похоже, мне следует признаться ему в том, кто я такая. Но что, если это все испортит? Нет, не хочу, чтобы он знал, с кем имеет дело, потому что я не являюсь ЛедиСозвездие постоянно. В настоящий момент я вовсе не она. Сейчас я не могу быть ею.

Я не даю быстрого ответа, и он осторожно забирает у меня листок. Пишет на нем что-то еще и протягивает мне.

Мне нужно узнать стороннее мнение – ты не хочешь почитать? Я видел некоторые твои рисунки и знаю, что ты в теме.

Посомневавшись, отвечаю:

Я читала не так уж много фанфиков и не знаю, смогу ли помочь тебе.

Это правда; я стараюсь держаться подальше от фанфиков, потому что они могут случайно просочиться в мою историю и тогда кто-нибудь из фанатов скажет, что я занимаюсь плагиатом. Мне было бы интересно увидеть прозаическую переделку комикса, но я не имею ни малейшего понятия, хорошо ли пишет Уоллис, вдруг я познакомлюсь с его творчеством и пойму, что оно ужасно, и тогда придется притворяться, что мне все нравится, чтобы не задеть его чувства. Хотя Уоллис и не выглядит человеком, чьи чувства так уж легко задеть – или по крайней мере он способен скрыть это.

Он читает, что я написала, поднимает палец и кладет на поднос второй гамбургер, чтобы освободить руку и залезть в рюкзак. Достает исписанный с двух сторон лист бумаги. Затем что-то еще пишет на нашем листке и вручает и тот и другой мне.

Прочитай первую страницу. Если тебе не понравится, остальное читать не обязательно.

Я не уверена, понимает ли он, что, если я прочитаю хоть что-то, мне будет трудно отказать ему в том, чтобы прочитать остальное, но я все равно беру лист и кладу его на стол перед собой. Ветер тербит края бумаги. По верху страницы идет заголовок. Море чудовищ: Пересказ комикса ЛедиСозвездие.

А ниже его необыкновенным почерком выведено:

У Эмити было два дня рождения.

Это моя история. Моя история в словах, то, чего я не смогла и никогда не смогу осуществить.

У меня нет нужды дочитывать страницу до конца. Я уже поняла, что хочу прочитать все остальное.

Уоллис пишет: Плохо?

– Нет! – Мой голос приводит в шок нас обоих – неожиданный возглас в тишине двора. Уоллис застывает, прекратив разворачивать мороженое.

Хватаю бумагу и пишу: Нет, это действительно хорошо! А сколько уже написано?

Всего одна глава, отвечает он.

Ты уверен, что хочешь, чтобы я ее прочитала?

Я уже перепечатал написанное, так что это не единственный экземпляр. Ты можешь исправлять текст, если захочешь.

Это не то, о чем я его спрашивала, но какая разница? Он выуживает из сумки пачку бумаги и передает мне. Вся она исписана его почерком с обеих сторон, в верхних правых углах стоят маленькие аккуратные номера страниц. Кладу рукопись в начало своего блокнота – в самое надежное место из всех, что я знаю.

Я могу вернуть тебе это завтра, пишу я. Идет?

Он читает и кивает, опять улыбаясь.

Совсем чуть-чуть.

Глава 7

Мне никогда не казалось таким уж важным, как я выгляжу. Речь не об одежде или моих непритязательных прическах, а о теле. Я не слишком высокая, не слишком низенькая. Никакого заметного акне или некрасивых особенностей лица. Я не толстая – мама говорит, мой индекс массы тела, по всей вероятности, ниже того, что у меня должен быть, что бы это ни значило. Никто не обращает внимания на то, как я выгляжу, и я никогда прежде не осознавала этого так четко.

Мы вместе с Уоллисом вернулись в столовую под конец ланча. Его ноги длиннее моих, но передвигается он так медленно, что мы идем с одинаковой скоростью. Это странная медлительность; множество людей двигаются медленно, потому что бродят без цели, словно не знают, куда бы им пойти, или не желают

оказаться там, куда направляются. Уоллис же двигается медленно, как гигантский робот: его так много, что быстро разогнаться не получается. Но он точно знает, куда ему надо.

Мы идем, и я остро ощущаю свои руки и ноги, и то, как мои ступни касаются пола, и все волоски на теле. Мне хотелось бы, чтобы в моем облике было что-то необычное и я смогла бы сосредоточиться на этом и предположить, что он сосредоточится на том же самом, но такой яркой черты у меня нет.

Мы не разговариваем. Уоллис сложил лист бумаги, на котором мы переписывались, и засунул в карман джинсов вместе с карандашом. Ловим на себе несколько взглядов, когда стряхиваем мусор с подносов. Думаю, смотрят скорее на него, чем на меня. Возможно, к нему еще не привыкли. Когда он поворачивается, я впервые замечаю, что внизу на его рюкзаке фломастером выведено:

«В МОРЕ ОБИТАЮТ ЧУДОВИЩА».

Это любимая фанатами цитата из «Моря чудовищ». Даллас Рейнер. Он сказал, что Даллас его любимый персонаж, а мне всегда интересно, когда фанаты рассказывают, какие картинки или цитаты они вешают на стены или изображают на одежде, какие татуировки делают. Хотя обычно люди поступают так, потому что считают подобное прикольным, иногда это что-то да значит.

У меня не получается попрощаться с Уоллисом. Мы покидаем столовую в толпе учеников, разъединяющей нас, и он куда-то исчезает.

* * *

Я вижу его снова позже, он сидит у школы на скамейке. Трэвиса и Дешана поблизости не наблюдается. Я ненадолго застаеваю в дверях, затем медленно иду к нему. У него в ушах наушники, и он что-то пишет. Вечно он пишет.

Легонько хлопаю его по плечу. Теперь его очередь вскакивать и быстро вынимать наушники. Сильно сжимаю лямки рюкзака и прикладываю руки к

животу, чтобы они не тряслись.

– Тебя... тебя не надо подвезти?

Он мотает головой и быстро пишет вверх листа, лежащего у него на коленях:
За мной приедет сестра.

– О. Понятно. – Разумеется, ему не нужна моя помощь, глупо было спрашивать. Ведь он сидел на этой скамейке каждый день на прошлой неделе, а потом благополучно оказывался дома. – Ну... пока.

Не дожидаясь, ответит он мне или нет, тороплюсь к своему «Ниссану» и баррикадируюсь в нем. И только тогда, наконец, улыбаюсь.

Прежде я никогда не встречала своего фаната в реальной жизни. И даже не думала об этом до нынешнего момента, что странно. Все эти люди, которым нравится «Море чудовищ», для меня – цифры на экране. Комментарии, просмотры, лайки. Чем больше становится фанатов, тем меньше думаешь о них как об отдельных личностях. Как-то забывается, что они такие же люди, как Уоллис. Как я сама. Найти кого-то, кому нравится «Море чудовищ» – кто его любит – до такой степени, что сам начинает творить на любимую тему и даже вручает мне результаты своего творчества лично, а не посылает на абонентский ящик или по электронной почте, фантастично до предела.

Но он не знает, кто я. Не знает, что его фанфик оказался у ЛедиСозвездие. Чувствую, что это неправильно. Я не собираюсь его обижать. И что прикажете делать? Я, как уже говорила, никогда не встречала своих фанатов в реальной жизни и не знаю, как они прореагируют, если такая встреча состоится.

Если бы я познакомилась с Оливией Кэйн, автором «Детей Гипноса», то, наверное, разразилась бы слезами и рухнула к ее ногам. Сомневаюсь, что Уоллис поступил бы так же, но рисковать не хочу.

Общаться с ним было бы куда проще, узнай он правду. Я бы контролировала каждый наш разговор. Каждую встречу. Каждое наше действие и слово. ЛедиСозвездие – богиня, которая движет происходящим в ее мире. Элиза же – аквариумная рыбка, барахтающаяся в текущих событиях, не способная понять, куда они ее приведут.

ЛедиСозвездию придется подождать. Элиза Мерк должна справиться сама.

Глава 8

Дома меня ожидают две вещи.

Первая – посылка от Эмми, аккуратная маленькая коробочка, облепленная сердечками и блестками.

Вторая – Дэйви. Когда я вхожу в дверь, его большое тело, покрытое белой шерстью, вылетает из-за угла, налетает на мои ноги, и я теряю равновесие. Он никогда не прыгает, а просто стоит, виляя хвостом, и ждет, когда я его приласкаю. И я, разумеется, делаю это, потому что кто устоит перед тем, чтобы не приласкать собаку, так радостно тебя встречающую?

Падаю на него. Дэйви держит меня, пыхтит, а потом тоже падает, и нам весело и хорошо.

– Кто-то вернулся из собачьего лагеря! – вслед за ним из-за угла появляется мама с суюсяющим выражением лица и надувает губы, глядя на Дэйви. – Ты вдоволь повеселился со своими друзьями, правда ведь, Дэйви-Дэйв?

– Не надо разговаривать с ним, как с ребенком, – бормочу я в шерсть пса.

– Что такое? – не расслышала мама.

Я выпрямляюсь:

– Ничего.

– Он провел длинную приятную неделю, носясь со своими товарищами, а теперь вернулся к нам прямо под Хеллоуин. Верно, приятель? О, Элиза, тебе пришла посылка. Я положила ее на кухонную стойку.

Слушая, как мама это говорит, можно подумать, что в посылке бомба. Она кладет вещи на стойку только в том случае, если не уверена, нужно оставить их в доме или же следует немедленно выбросить в бак для мусора в гараже.

– Это от Эмми, мама, – говорю я.

Она хмурится:

– От Эмми. И что в ней?

– Пока не знаю.

Отпускаю Дэйви; он сопровождает меня на кухню. Мама идет за ним. Беру ножницы и распаковываю коробку.

Внутри записка от Эмми и всякие вещицы, которые ожидаешь получить от четырнадцатилетней студентки колледжа: твердые карандаши для рисования, купленные, вероятно, с существенной скидкой в книжном магазине кампуса или же выпрошенные у кого-то из студентов художественного отделения; коллажное изображение человека из картинок, вырезанных из журналов или взятых в Интернете, но оно каким-то образом оказывается анатомически правильным; и конечно же, несколько пакетиков лапши рамен. При виде коллажа и рамена мама морщится. Я игнорирую это и открываю письмо. Оно написано от руки; Эмми любит рисовать сердечки вместо точек над *i*. Утверждает, что делает это с иронией.

Э!!!

Только попробуй не прийти в восторг от моей посылки! Я помню, ты говорила, что тебе нужны новые твердые карандаши, и надеюсь, ты не успела еще купить их сама. И ешь рамен, потому что ты, знаю, иногда забываешь о еде. Но разумеется, мы с тобой понимаем, что самое лучшее в посылке – это Мистер Великолепное Тело. Да, у него есть имя, я запомнила все, что ты говорила мне о твоём идеале мужчины на протяжении нескольких лет, и создала его для тебя. Восхищайся моим шедевром. Любуйся моим фантастическим творением.

Что касается глаз... если они выпадут, то это потому, что у меня кончился клей. Я студентка факультета гражданского строительства, а не писчебумажный магазин.

Ужасно тебя люблю!

Эмми

Снова смотрю на Мистера Великолепное Тело. Мощная челюсть, потрясающие глаза, гладкая мускулатура – такого кто угодно признает привлекательным мужчиной. Я никогда не заморачивалась тем, как выглядят парни, и, думаю, Эмми подшутила над этим. Во всяком случае, я смеюсь.

– В чем дело? – интересуется мама. В ее голосе чувствуется напряжение.

– Ни в чем, – отвечаю я, укладывая подарки обратно в коробку. – Эмми шутит.

– Эмми... Эмми – девушка, верно? – Мама опять идет за мной, когда я выхожу из кухни и направляюсь к себе наверх.

– Да, Эмми – девушка. Ты когда-нибудь слышала о парне по имени Эмми?

– Не знаю, но ты имеешь дело со всякими интернетчиками, и я решила спросить...

Сжимаю зубы, чтобы не открывать рот. Не думаю, что мама хочет меня обидеть – она, кажется, никогда этого не делает, – но если между нами завязывается разговор, кто-то из нас в конце концов начинает так сердиться, что продолжать говорить становится невозможным. Прыгаю по ступенькам – Дэйви у моих ног – и иду к себе в комнату.

– Мне не слишком нравится, что у них есть наш адрес, – начинает мама.

– Они мои друзья. Больше наш адрес я никому не даю. – Вхожу в комнату, Дэйви просачивается вслед за мной, я закрываю дверь и запираю ее. Слышу, что мама останавливается перед дверью. И сердито вздыхает.

– Ты должна будешь погулять с Дэйви! – громко говорит она.

– С ним гуляют Салли и Черч, – кричу я в ответ. – Им это нравится.

– У тебя есть домашнее задание?

– Не помню. Кажется, по математике и по физике.

– Не забудь сделать его. Нам снова звонила твоя внеклассная учительница, она беспокоится о том, что ты работаешь не в полную силу...

– Я не собираюсь поступать в колледж Лиги плюща. Так какое это имеет значение?

Она не отвечает, но я знаю, что она сказала бы. Во-первых, что я должна метить выше и учиться в школе изо всех сил – но сейчас мне не до учебы, я все время рисую. И во-вторых, трудно поступить в любой колледж, а не только в принадлежащий к Лиге плюща, или же, что я могу остаться без стипендии, ну и так далее. Поступить в колледж не проблема, туда все время все поступают. И стипендия мне не нужна, я планирую платить за обучение из тех денег, что зарабатываю в магазине «Моря чудовищ». Когда Эмми создала monstrousseasea.com, она сделала также страничку, на которой мы можем продавать наши сувениры – сумки, блокноты, банданы, карандаши, рубашки, пуговицы, кошельки, футляры для телефонов – все, что выполнено в стиле МЧ с его логотипом. Так я купила компьютер, и новейшую версию фотошопа, и, самое главное, графический планшет.

Родителям неизвестен масштаб моих приобретений. Они знают, что я покупаю вещи, и когда это началось, они помогли мне открыть счет и дали номер телефона своего налогового консультанта, сказав, что если я хочу немного подзаработать на своем хобби, то должна научиться обращаться с деньгами, что очень пригодится мне в жизни.

До недавнего времени я практически ничего не зарабатывала на комиксе, а когда начала делать это, то собрала все свое мужество, пошла в банк и открыла собственный счет, о котором родители ничего не знают. Иногда я перевожу с него какие-то деньги на счет, открытый родителями, и они видят, что я что-то зарабатываю, но истинное положение дел им неизвестно. Они понятия не имеют,

что я могу платить за обучение в колледже и жить на свои средства.

Я не хочу, чтобы они это знали. Не хочу, чтобы они вмешивались в мою жизнь онлайн, подобно тому, как вмешиваются в мою жизнь вне Интернета.

Мама идет прочь от моей двери. Я еще много чего услышу от нее, когда папа вернется из... откуда, где он сегодня находится. Возможно, он на каком-то сборище, посвященном высокотехнологичному спортивному оборудованию. Он скажет, что я должна делать домашние задания, потому что так я стану хорошо эрудированным человеком, независимо от того, попаду в колледж или нет; еще он скажет, что я должна гулять с Дэйви, потому что это хорошая физическая нагрузка. Фраза «хорошая физическая нагрузка» звучит так же ужасно, как «пора вставать» и «яйца кончились».

Бросаю рюкзак на пол, ставлю коробочку Эмми на стол, предварительно вынув из нее Мистера Великолепное Тело, чтобы повесить его на стену между двумя плакатами на тему «Моря чудовищ», и заваливаюсь на кровать со своим блокнотом. На полках, висящих у меня в изголовье, навалены книги. Это разные издания четырех «Детей Гипноса», серии книг, которая навсегда будет неполной. Дэйви пристраивается рядом. Минуту я лежу на боку, зарывшись лицом в его шерсть вокруг шеи. В мире существуют только тихий шум обогревателя и запах собаки. Никто на меня не смотрит, никто не судит, никто даже не думает обо мне. В комнате никого больше нет. Дэйви вздыхает и кладет голову на мою руку.

Спустя минуту сажусь и тянусь за блокнотом. Из него первым делом выпадают испачканные страницы, а затем листы бумаги, что дал мне Уоллис. Дал, чтобы я оценила то, что он написал. Сделала свои замечания. А ведь мы сегодня разговаривали с ним впервые в жизни. Я не знакома с какими-либо писателями, но, думаю, такое случается нечасто. Может, он просто был счастлив пообщаться с другим фанатом «Моря чудовищ». Протягиваю рукопись Дэйви, он обнюхивает ее, тычет в нее носом, а затем кладет голову на лапы и смотрит на меня большими темными глазами.

– Хорошо? – спрашиваю я. – Я бы сказала, что хорошо.

Листаю страницы, они приятно волнистые и не тесно примыкают друг к другу, потому что ручка Уоллиса слегка деформировала бумагу. Провожу пальцем по

словам, не читая их. Они такие четкие – это потому, что он все делает медленно, думаю я. С подобными способностями он мог бы стать художником.

Пытаюсь сдержать свое волнение.

У Эмити было два дня рождения.

Я читаю быстро, листая страницы так, словно это моя работа. Впрочем, в каком-то смысле так оно и есть. Ну ладно. История разворачивается медленно, но верно, раскрывая детали сюжета, которые я смогла осветить только позже. Я не ожидала, что Уоллис верно передаст чувство Эмити к Фарену, атмосферу их родного острова, содержание их культуры, но у него все получилось.

В комиксе были картинки всего этого, одну или две панельки я нарисовала для того, чтобы можно было почувствовать суть места, но он оживил их с помощью слов. Может, у меня создается такое впечатление только потому, что я знаю, как все это выглядит. Это слишком хорошо. Это как есть пирог, о котором ты даже не мечтала.

Я создала «Море чудовищ», потому что хотела такую историю. Хотела нечто подобное, но не могла ничего найти, и тогда придумала свое. А теперь еще кто-то создал ее для меня другим способом – тем, который мне неподвластен, – и это позволяет мне пережить все столь дорогое мне еще раз. Наконец-то у меня есть история, которую я хотела, и хотя я знаю, что будет дальше, и мне известно, как все выглядит, все равно она нова для меня.

Это больше, чем я заслуживаю. Это идеально.

По спине пробегает холодок. Я слишком поздно осознаю, что плачу, и несколько слез капают на страницу. Чертыхаюсь, отодвигаю от себя рукопись и быстро вытираю глаза рукавами толстовки. Дэйви кладет голову мне на бедро.

– Все хорошо, – говорю я, но мой голос дрожит. Опять же рукавом пытаюсь стереть следы слез с бумаги. Завтра Уоллис, вероятно, заметит их.

Я полуплачу-полусмеюсь у себя в комнате. И это прекрасно.

Уоллис прочитал мои мысли. Он угадал, о чем я думала, когда рисовала, и изложил все на бумаге. Я не понимаю, как могла образоваться такая цепочка событий. Но Уоллис Уорлэнд – прирожденный маг. Настоящий, реальный маг. В том, что касается слов.

И он не просто прочитал мои мысли. Кроме того, он знает материал. Он знает, что созвездие, которое начертил Фарен на потолке над их кроватью, называется Гьурхай. Он знает мифологию – достаточно точно. Я могу сделать одну поправку на полях, но мне жаль марать такое идеальное письмо, поскольку ничего неверного я больше не нахожу, так что я скажу ему об этом завтра. Имена, мифология – все это не упоминалось в комиксе. Я говорила о них, только отвечая на вопросы фанатов.

Но и это еще не все. Переворачиваю последнюю страницу.

И вижу цитату из «Трагической истории доктора Фауста».

И не страшусь я слова «осуждение».

В Элизиум я превращаю ад.

Он помнит. Забыла, было это на форуме или в чате, но я сказала, что «Море чудовищ» – комбинация игр Final Fantasy и легенды о Фаусте. Большинство фанатов понятия не имеют, кто такой Фауст, они просто знают, что это фамилия Дэмьена. Это было так давно. В самом начале комикса, форумов. Этот пост теперь не отыскать.

Но Уоллис помнит о нем.

Глава 9

Я минут десять рисовала стилизованный Оркус и три его Луны вокруг цитаты из «Фауста». Затем вылезающего из океана змееподобного встающего-с-закатом на

одной стороне и ворона ужаса с распростертыми крыльями – на другой. Надеюсь, Уоллис не станет возражать.

Беру подарки, которые собираюсь послать Макс и Эмми: каждому по экземпляру новейшего графического романа «Море чудовищ», для Макса – пачку любимых им леденцов, для Эмми – фруктовые жевательные конфеты, и упаковываю все это. Макс живет в Канаде; Эмми учится в Калифорнии. Доставка посылки Максиму стоит совсем недешево, но что с того, я могу списать ее на деловые расходы.

Затем заканчиваю страницу «Моря чудовищ» и начинаю новую. Я знаю, что цвета в компьютере все те же, но сегодня они кажутся мне более яркими. Линии получаются темнее, насыщеннее. Я уже нарисовала в деталях выражения лиц персонажей, и они, как мне кажется, тоже получились лучше прежних.

Форумы сегодня гудят. Вызывающий дождь прислал еще одну главу фанфика к «Морю чудовищ» под названием «Синий Оберн». Я знаю об этом только потому, что девяносто процентов участников следят за его работой, его же самого не видно и не слышно. Не думаю, будто ему важно, что говорят о его творчестве. О человеке, охотящемся за моим сердцем.

Я игнорирую его пост. Единственный фанфик, который я отныне буду читать, – это тот, что дает мне Уоллис лично. В этом есть нечто целомудренное – знать, что он так хорош и что я единственная, кто видел его, что ничего подобного я в Интернете не найду. Он существует только для меня. По крайней мере сейчас.

Прекращаю работу и перечитываю написанную им главу еще два раза. Затем проверяю сообщения.

Эмми и Макс советуют принимать все легко.

14:00 (полбяныехлопья присоединился(-ась) к беседе)

полбяныехлопья: Подожди

полбяныхлопья: Как обстоят дела с новым парнишкой

14:30

полбяныхлопья: А если серьезно

15:01

полбяныхлопья: Э!!

15:33

полбяныхлопья: Э клянусь Богом

15:59 (Корова_Апокалипсиса присоединился(-ась) к беседе)

Корова_Апокалипсиса: э снова тусит с новым парнишкой?

полбяныхлопья: Похоже на то

полбяныхлопья: Она не отвечает

полбяныхлопья: А я пишу ей каждые ПОЛЧАСА

полбяныхлопья: ЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭ

Корова_Апокалипсиса: сколько ни кричи, это не заставит ее быстрее взглянуть на телефон.

Корова_Апокалипсиса: почему ты написала ей в 14:30? По твоему времени это разве не 11:30? Я думал у тебя было занятие по архитектуре.

полбяныхлопья: Бросила

полбяныхлопья: Архитектура – это тупо

Корова_Апокалипсиса: ты же учишься на гражданского архитектора...

полбяныхлопья: И?

Корова_Апокалипсиса: забей.

Корова_Апокалипсиса: ЭЛИЗА. ЧТО ТАМ С НОВЫМ ПАРНИШКОЙ?

16:12

полбяныхлопья: Позволь мне умереть и истлеть в моей комнате общежития

16:40

полбяныхлопья: Ффффу

Корова_Апокалипсиса: *готовит погребальные обряды*

16:46 (Таящаяся присоединился(-ась) к беседе)

Таящаяся: Ух, о'кей.

Таящаяся: Конечно, я должна была проверить телефон раньше.

полбяныхлопья: -_-

Таящаяся: Я получила твою посылку! Мне ужасно понравился Мистер
Великолепное Тело.

полбяныхлопья: НОВЫЙ ПАРНИШКА

полбяныхлопья: СЕЙЧАС ЖЕ

Таящаяся: А что если все ужасно и мне не хочется говорить об этом? Что если я обнаружила, что он серийный убийца?

полбяныхлопья: Ради всего святого расскажи по крайней мере как он выглядит

Таящаяся: Макс поди все это не интересно.

Корова_Апокалипсиса: на самом-то деле эмми столько уже навоображала, так что я тоже хочу знать.

Таящаяся: Прекрасно! Прекрасно.

Таящаяся: Темные волосы, темные глаза. Выше меня. Сложен как футболист.

Корова_Апокалипсиса: футболист пишет фанфики? напомни мне, в каком мире мы живем.

полбяныхлопья: Уверена множество футболистов тоже время от времени пишут фанфики

полбяныхлопья: продолжай Э

Таящаяся: Он нашел меня во дворе во время ланча и стал есть вместе со мной. Хотя это странно, но говорит он редко, поэтому мы с ним переписывались.

Таящаяся: Он показал мне ту вещь, над которой работает.

Я останавливаюсь. Я могу рассказать им, что это такое, но Уоллис дал мне свое произведение не для того, чтобы я болтала о нем. Я люблю Эмми и Макса, но если они узнают, что кто-то пытается перевести «Море чудовищ» в прозу и я считаю, что получается действительно хорошо, им тоже захочется прочесть.

А я не хочу, чтобы они читали. Не только потому, что Уоллис не будет об этом знать и, кроме того, он не давал мне разрешения показывать его творение кому-

либо, но разрушится тот счастливый маленький пузырь, в котором я сейчас нахожусь. Это наш с Уоллисом секрет. Мне нравится быть единственной, кому известно об этом.

полбяныхлопья: И что это

Таящаяся: Да так, один фанфик. Еще не читала.

Корова_Апокалипсиса: а он приходит на форум? какой у него ник?

Таящаяся: Понятия не имею. Мы об этом не говорили.

Я действительно не знаю, участвует ли Уоллис в форумах, хотя догадываюсь, что трудно не знать о них, если являешься фанатом «Моря чудовищ». Может, он просто не выкладывает свою работу в Интернет.

Дэйви издает жалобный стон. Смотрю на часы: пора ужинать. Он стоит в дверях; я выпускаю его, чтобы он мог рвануть на кухню, где мама уже накладывает еду. Черч и Салли топают наверх навстречу Дэйви, и я захлопываю дверь, прежде чем им удастся ворваться ко мне в комнату.

полбяныхлопья: Вы об этом разговаривали?? Фанфик??

полбяныхлопья: Скучно

Таящаяся: Ты слишком много смотришь Собачьи дни.

Таящаяся: Я почти уверена, что совершенно не обязательно вступать в безумно серьезные отношения с кем-то, едва встретив его.

Корова_Апокалипсиса: хочешь сказать мы не вступили в безумно серьезные отношения как только познакомились?

Корова_Апокалипсиса: я обиделся.

Таящаяся: >_>

Таящаяся: Не знаю, как объяснить тебе это, Макс, но эээээ...

Корова_Апокалипсиса: нет. время ушло. у меня счастливые, целомудренные отношения, и никто из вас не отговорит меня от них.

Таящаяся: Кстати говоря, как там Хитер?

Корова_Апокалипсиса: ну, она получила работу в том модельном агентстве...

полбяныхлопья: -_-

Корова_Апокалипсиса: она учительница шестого класса.

Корова_Апокалипсиса: но она могла бы стать моделью, если бы захотела!

О слава тебе, Господи. Свернули на другую тему.

Таящаяся: Разве вы не встречаетесь с ней лет пять? Жениться собираешься?

Корова_Апокалипсиса: не знаю

Корова_Апокалипсиса: согласится ли она.

полбяныхлопья: ПРЕДЛОЖИ ЕЙ!!

полбяныхлопья: Чего ты ждешь???

Корова_Апокалипсиса: хм

Таящаяся: Оставь его в покое, Эмми. Если он пока не хочет спрашивать ее, то и не должен.

полбяныхлопья: Буу

Корова_Апокалипсиса: спасибо, элиза.

Корова_Апокалипсиса: вернемся к джентльмену, с которым ты провела день...

Таящаяся: Мы просто вместе пообедали!

Корова_Апокалипсиса: это ты так говоришь. А я собираюсь докопаться до истины.

полбяныхлопья: Как его зовут??

Таящаяся: Уоллис

Корова_Апокалипсиса: ...

полбяныхлопья: ...

Корова_Апокалипсиса: ...

полбяныхлопья: ...

Корова_Апокалипсиса: ...

полбяныхлопья: ...

Таящаяся: А что не так с именем Уоллис?

Корова_Апокалипсиса: оно, э.

полбяныхлопья: Оно чертовски глупое

Таящаяся: Уоллис – не глупое имя!

Корова_Апокалипсиса: оно напоминает мне о персонаже мультика.

полбяныхлопья: У нас в кампусе есть один укуроч по имени Уоллис

Таящаяся: Откуда тебе известны имена укурочков?

полбяныхлопья: Они дружелюбные

Таящаяся: Теперь меня беспокоит твое знакомство с наркоманами, но я не понимаю, что ты хочешь, чтобы я сделала с именем Уоллис.

Корова_Апокалипсиса: а Уолли не пройдет?

Таящаяся: Он представился как Уоллис. Так я и буду его звать.

полбяныхлопья: Ты будешь продолжать общаться с ним?

Таящаяся: Не знаю. Возможно. Я должна вернуть ему рукопись.

полбяныхлопья: Держи нас в курсе

Таящаяся: В курсе чего?

Корова_Апокалипсиса: присоединяюсь.

Таящаяся: В курсе чего?

полбяныхлопья: Мне надо делать домашнее задание

полбяныхлопья: Но когда мы будем говорить завтра, пусть у тебя будут какие-нибудь ХОРОШИЕ НОВОСТИ

Таящаяся: ХОРОШИЕ НОВОСТИ ПО ПОВОДУ ЧЕГО?!

Глава 10

У меня в голове сидит маленькое чудовище и вселяет в меня сомнение.

Сомнение – существо глупое, не обладающее ни разумом, ни чувством, слепое, сидящее на длинной цепи. Чудовище же у меня умное, за всем наблюдает и, когда я совершенно уверена в себе, отпускает с цепи сомнение, и оно дает себе волю. Даже когда я понимаю, что вот сейчас это случится, я не могу ничего сделать.

Например.

Я знаю, что, когда войду в класс и верну Уоллису первую главу, он, вероятно, скажет, то есть напишет «спасибо» и, есть шанс, чуть улыбнется, тем дело и кончится.

Но, стоя перед дверью, я чувствую, что вот сейчас войду, отдам Уоллису рукопись, и его глаза равнодушно скользнут по моей особе, потому что он уже понял, что не должен был тратить на меня свое время. Не должен был просить меня читать его работу, поскольку мы совсем друг друга не знаем. Вчера он сделал неверный шаг и теперь понимает это. Должен понимать. Элиза Мерк никто – для всех. В «Уэстклиффской звезде» каждый день должен появляться следующий заголовок: «ЭЛИЗА МЕРК – НИКТО ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО».

Вытираю рукавом лоб. Мои дурацкие брови все в поту, и я даже не могу рассказать об этом Эмми или Максу. В класс заходят несколько человек, и я иду за ними следом, будто прячусь в их тени.

Уоллиса пока нет. Кладу рукопись на его стул и сгибаюсь над своим блокнотом. Обвожу старый рисунок, и линии становятся слишком темными и жирными. Уоллис появляется минутой позже. Вваливается в класс и берет со стула листы бумаги, прежде чем медленно сесть на него. Он листает страницы, смотрит на рисунки, которые я сделала в конце, рядом с цитатой из «Фауста». Блокнот выskalъзывает у меня из рук, и мне приходится ловить его коленками.

Уоллис берет чистый лист бумаги. Что-то на нем пишет и кладет мне на стол.

Рисунки совершенно потрясающие. И никаких замечаний?

Закрываю блокнот и кончаю валять дурака. Пишу дрожащим почерком:

Всего одно, но я не хотела портить такую хорошую рукопись. Гьюрхай появляется из моря, чтобы проглотить солнце, каждую тысячу лет, а не сто.

Читая, он закрывает лицо рукой и качает головой. Не надо было поправлять его. Зачем я это сделала?

Он отдает мне листок.

Вау. Ты совершенно права.

И чуть ниже:

Те, кому я обычно показываю свои тексты, не заметили бы.

Потому что те, кому ты обычно показываешь свои тексты, не являются создателями мира.

Немного думаю, затем пишу: Это действительно, действительно хорошо. И сую ему листок, прежде чем мои пальцы сведет судорога и они порвут бумагу в клочья.

Спасибо! Ты хорошо себя чувствуешь? Ты бледная.

Я в порядке – всегда так выгляжу.

Как крыса-утопленник в тренировочных штанах.

Появляется миссис Граер и начинает отмечать присутствующих.

Тогда ладно. Поедим вместе?

Во дворе будет холодно. Сильный ветер.

Сгоню кого-нибудь с его места в столовой. У меня это хорошо получается.

Когда он видит, что я это прочитала, то ставит локоть на стол и сгибает руку, напрягая ее. Под коротким рукавом вздувается бицепс. А потом его локоть соскальзывает со стола, он ловит руку и оглядывается. Меня трясет от смеха.

Миссис Граер замолкает, смотрит на нас – в ушах у нее серьги в форме луковиц – и ничего не говорит. Она никогда не делает замечаний за подобные вещи. Крепко сжимаю губы и жду, когда она опять начнет зачитывать список учеников. А потом пишу:

Я не могу превзойти такое. Прошу прощения.

Он улыбается и отвечает:

Никто не может превзойти гения.

* * *

Уоллис занял нам столик, но это потому, что пришел в столовую рано, а не потому, что спихнул кого-то с его места.

Столик расположен рядом с началом очереди, так что, взяв еду, я сразу вижу его: сидит и улыбается, будто ужасно горд своим достижением. Себе он взял то же самое, что и вчера: два гамбургера, две порции картошки-фри, два молока. Одно большое мороженое. Напротив него на столе лежит стопка бумаги с приколотой запиской:

Только если хочешь.

На первой странице выведено: Глава 2.

– Неужели? – Я снова слишком поздно замечаю, что говорю вслух. Уоллис, похоже, против этого не возражает, а берет другой лист бумаги, чтобы писать на нем:

Протестируешь?

У меня под рукой нет ручки. «Ага. Да. Определенно». Я знаю, что теперь мой голос звучит слишком тихо. Если он не разговаривает, то и мне вроде не положено – словно я нарушаю привычную для него атмосферу. Лезу в сумку за карандашом, затем тянусь за его листком. Он с довольным видом отдает его мне.

Прости, я совсем забыла, что мы будем писать. И это странно, учитывая, сколько времени я провожу в Интернете.

Все в порядке. Ты не обязана этого делать, если предпочитаешь говорить.

Я не знаю, что предпочитаю.

Он улыбается.

Значит, ты сидишь в Интернете. На форуме МЧ?

Да. Иногда.

А какой у тебя ник?

Я называют ему единственный свой ник, который могу назвать:

Таящаяся.

Дай угадаю... Ты не часто пишешь.

Не часто. А какой у тебя?

Ты читаешь фанфики к МЧ?

Иногда.

Знаешь вызывающегодождь?

Его все знают.

Ну тогда привет.

Хрена с два. Я смотрю вверх, а он смотрит вниз, поливает кетчупом свою картошку, будто не сказал ничего важного. Хрена с два этот парнишка сидящий передо мной – САМ вызывающийдождь. Главный автор фанфиков к «Морю чудовищ», самый популярный персонаж на форумах после ЛедиСозвездие, у которого миллион фанатов. Он НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ТЕМ ПАРНЕМ, который на прошлой неделе прислал мне подмигивающий смайлик.

Я пишу:

ХРЕНА С ДВА

и сую ему это прямо под нос.

Он осторожно берет из моих рук листок.

Я пошлю тебе сообщение, чтобы доказать это.

Я уже почти верю тебе – по таким поводам не врут. Поэтому ты так сильно любишь Далласа?!

Я стал вызывающимдождь, потому что мне нравится Даллас, а не наоборот.

Обвожу взглядом столовую. Кто-то еще должен быть свидетелем всего этого. Свидетелем грандиозного разоблачения, потому что такого в обычной жизни не бывает. Вызывающийдождь не может ходить в мою школу и бросать рукопись «Моря чудовищ» на мои колени.

Но он делает это. И никто вокруг нас не понимает, что только что произошло. Никто за соседними столиками не в курсе, кто мы такие и что нас объединяет.

Сейчас есть только мы.

Здесь.

Уоллис забирает у меня листок и пишет: Что ты делаешь в пятницу на Хеллоуин?

Очевидно, буду лежать в могиле, потому что вызывающий дождь ходит в мою школу, а я только что узнала об этом.

Он сжимает губы, сдерживая улыбку. А если серьезно?

Он хочет сменить тему? Ну что ж, прекрасно.

Наверное, спрячусь у себя в комнате и буду смотреть специальный выпуск «Собачьих дней».

Звучит как праздник всей жизни.

Ну а чем займешься ты?

Есть один книжный магазин, где мы с друзьями тусуемся. Там каждый год устраиваются вечеринки на Хеллоуин. Мы собираемся одеться в костюмы МЧ.

Я видела в Интернете тонны фотографий косплея на тему «Моря чудовищ» – и, если честно, это все были хорошие костюмы. Но вживую я их никогда не видела.

Позволь мне догадаться. Ты наденешь костюм Далласа.

Очень проникательно. В любом случае, думаю, если тебе особо нечего делать, может, ты тоже захочешь туда пойти. Это книжный магазин, так что вечеринка не будет шумной, на нее придут скучные книжные люди. Но если ты не хочешь, то и ладно.

Он приглашает меня на вечеринку. Я не была на вечеринках с того самого времени, как мой сосед Кенни Смит позвал меня на свой день рождения, когда нам было по восемь лет, и дело кончилось тем, что меня столкнули в бассейн и я смеялась всю дорогу домой.

Можно я подумаю?

Да, конечно.

Я не пойду. Я люблю говорить себе, что могу пойти – люблю говорить, что способна на множество вещей – но я, мой мозг и все остальные знают, что в самый последний момент я струшу и запрусь у себя в комнате с коробкой пиццы и подпиской на Netflix.

Когда я пишу, что собираюсь обдумать предложение Уоллиса, у меня становится погано на душе.

Личное сообщение форума Моря чудовищ

14:54 28 – окт – 16

вызывающийдождь: Привет, это Уоллис. Пожалуйста, попроси меня взорвать твой мозг еще раз. Когда твой мозг взорван, ты неотразима

Таящаяся: Фу, звучит как-то неприлично.

вызывающийдождь: Слишком неприлично?

Таящаяся: Ммммммммммммммммммм

вызывающийдождь: Слишком. Принято к сведению.

ФОРУМ МОРЯ ЧУДОВИЩ

ПРОФИЛЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

вызывающийдождь*

Модератор раздела фанфики

ВОЗРАСТ: Не скажу

АДРЕС: НЕТ

УВЛЕЧЕНИЯ: МЧ, Писательство, Костры, Свитера

Подписчики 1 350 199 | Читает 54 | Посты 9 112

[Авторские работы 144]

ОБНОВЛЕНИЯ

Показать еще

20 окт 2016

Со следующей главой фанфика «Синий Оберн» я, вероятно, немного припозднюсь. Только что перешел в другую школу. Веселюсь вовсю.

21 окт 2016

спасибо @joorboogee за мою новую аватарку

#ДалласРейнерНавсегда

23 окт 2016

Если бы домашка по математике была человеком, меня бы посадили на срок от 25 лет до пожизненного. #смертьчерезматематику

24 окт 2016

Возможно в этой школе есть другие фанаты МЧ.

СЛАВА БОГУ, Я СПАСЕН

26 окт 2016

Сегодня жизнь меня достала. Идиотская математика. #смертьчерезматематику

27 окт 2016

В школе определенно имеется фанатка МЧ.

Плюсы: Круто; не один; симпатичная девушка.

Минусы: Симпатичная девушка. #Блиииииииин

28 окт 2016

Ээээй. Давайте больше не будем обсуждать хорошенькую девушку о'кей

она возможно все это читает.

Глава 11

Уоллис считает меня хорошенькой.

Уоллис считает меня хорошенькой?

Он написал так, потому что знал, что я увижу? Хочет заманить меня в какую-нибудь ловушку? Он не кажется коварным, но откуда мне знать это точно, я ведь не мальчик подросткового возраста.

Уоллис считает меня хорошенькой.

Это странно.

Я ношу толстовку на два размера больше своего и такие потасканные джинсы, что совершенно непонятно, какие у меня ноги. С волосами, думаю, все в порядке, если только они не усыпаны золотой пылью. Не то чтобы я считала себя уродиной, а просто не думаю о том, как выгляжу. Я не живу во внешнем мире. И предпочла бы вообще никак не выглядеть, а быть свободно существующим сознанием, которое иногда рисует. Мне безразлична моя внешность. Я не хочу заморачиваться на ней.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.com/zappia_francheska/eliza-i-ee-monstry

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)